

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Вклад М.А. Бакунина в формирование и развитие общественно-политической мысли в Италии во второй половине XIX века»

Обучающийся

Е.В. Федотова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд.ист.наук, доц. Н.М. Румянцева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Актуальность темы исследования обоснована общественным интересом к личности М.А. Бакунина и его деятельности. Взаимодействие Италии и России на протяжении веков привело к консолидации культурных, экономических и политических связей. На фоне обострения внешнеполитических отношений общие страницы истории способствуют взаимному сближению и укреплению взаимовыгодного партнерства.

Цель исследования: изучить деятельность М.А. Бакунина в Италии и ее последствия для развития общественно-политической ситуации в стране.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проследить основные этапы биографии М.А. Бакунина
- проанализировать революционно-анархическую концепцию М.А. Бакунина
- исследовать общественно-политическую ситуацию в Италии в 60-70-х годах XIX в.
- изучить период деятельности М.А.Бакунина в Италии
- рассмотреть попытку восстания в Болонье и выявить последствия

В первой главе рассмотрены основные факторы влияния на формирование мировоззрения М.А. Бакунина, произведен анализ его анархической концепции.

Вторая глава посвящена изучению общественно-политической ситуации в Италии, деятельности М.А. Бакунина и событиям 1874 года.

В заключении представлены выводы по итогам проведенного исследования.

Структура работы состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы и использованных источников, приложений.

Объем выполненной работы: 105 страниц с приложениями.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Основные этапы биографии М.А. Бакунина, эволюция взглядов.....	11
1.1 Ключевые моменты формирования личности М.А. Бакунина, этапы биографии.....	11
1.2 Основные положения революционно-анархической концепции М.А. Бакунина.....	22
Глава 2 Революционная деятельность М.А. Бакунина и его влияние на развитие социалистического движения в Италии	35
2.1 Общественно-политическая ситуация в Италии в 60-х гг. XIX века, развитие рабочего движения.....	35
2.2 Пропаганда М.А.Бакунина в Италии, итоги кампании против Д. Мадзини.....	46
2.3 Восстание в Болонье и его последствия.....	60
Заключение.....	76
Список используемой литературы и используемых источников.....	80
Приложение А Список используемых источников и литературы.....	90
Приложение Б Молодые годы М.А. Бакунина.....	94
Приложение В Dio e lo stato (Бог и государство).....	96
Приложение Г Лидеры итальянской оппозиции 60-х годов XIX в.....	97
Приложение Д Соратники М.А. Бакунина.....	99
Приложение Е Титульный лист неаполетанской газеты «La campana» («Колокол»)	102
Приложение Ж Бюллетень №. 3 Итальянского Комитета Социальной революции.....	103
Приложение И Неопубликованное письмо М.А. Бакунина к Серафино Мадзотти от 12 ноября 1875 г.	104

Введение

Актуальность темы исследования определяется общественным интересом к личности М.А. Бакунина и его деятельности - кардинальные изменения геополитической ситуации в мире, стремительная динамика общественно-политических процессов, сопровождающихся обострением социальной напряженности, побуждают с большим вниманием отнестись к революционному прошлому. Попытка вооруженного восстания в Италии является последним активным политическим актом Бакунина, после поражения он оставил революционный фронт, направив силы на поправку своих частных дел, а спустя два года скончался в больнице для бедных. Однако его учение оказало глубокое влияние на развитие общественной мысли в Италии, своим личным примером он привлек к революционной борьбе талантливую и энергичную молодежь.

Объект исследования - личность и революционно-анархическая деятельность М.А. Бакунина.

Предмет исследования - участие Бакунина в революционных событиях в Италии в 60-70-х годах XIX века, включая восстание в Болонье в 1874 году.

Территориальные рамки исследования охватывают Италию и Швейцарию. События, непосредственно относящиеся к восстанию, затрагивают регион Эмилия-Романья. План восстания разрабатывался в Швейцарии, на вилле «Бароната», которую приобрел для Бакунина К. Кафьеро.

Хронологические рамки исследования включают период 1864-1876 гг. и связаны с началом работы Михаила Александровича в Италии, где его усилия были направлены на пропаганду своих идей и поиск соратников в рядах революционно настроенной оппозиции. Действия Бакунина привели к неизбежному столкновению с лидером республиканской партии - Джузеппе Мадзини. В результате их борьбы рабочее движение получило новый

импульс и новое качественное измерение. В данный период окончательно оформилась анархическая концепция М.А. Бакунина. Идейное противостояние с К. Марксом, повлекшее раскол Первого Интернационала, в нашем исследовании затрагивается только в связи с событиями в Италии. Верхняя граница определяется датой смерти Бакунина.

Историографический обзор. Тема исследования рассмотрена в комплексе трудов русских и зарубежных авторов. Историография данной темы весьма обширна.

Исследования жизни и деятельности М.А. Бакунина начались в дореволюционные годы. Во время становления советского государства личность Бакунина и его анархическая деятельность оценивались тенденциозно, согласно установкам марксистско-ленинской концепции; с середины 50-х годов XX века некоторые послабления в идеологической сфере способствуют расширению диапазона обсуждаемых проблем, связанных с теориями и мировоззрением анархиста. Радикальные перемены 1990-х годов, повлекшие смену социального строя, вызвали новую волну интереса к трудам Бакунина и привели к переосмыслению его идеологического наследия.

В Европе М. Неттлау является основоположником «бакуниноведения»; многолетние исследования жизни и деятельности М.А. Бакунина нашли отражение в комплексе работ, являющихся отправной точкой и ценным источником для всех последующих изысканий. Его материалы консультировали такие ученые, как Ю.М. Стеклов, В.П. Полонский, А. Цокколи [72] и др. Новые документы, введенные в научный оборот после первой мировой войны, возобновили интерес к личности русского анархиста на Западе.

Работы русских исследователей дореволюционного и раннего советского периода А.А. Корнилова [37] - [39], И.Б. Горева [26], В.П. Полонского [52] [53] и Ю.М. Стеклова [65] [66] пронизаны личной симпатией к фигуре Бакунина, и, несмотря на ангажированную оценку деятельности

анархиста, раскрывают этапы становление личности М.А. Бакунина, прослеживают его жизненный путь, освещают ключевые моменты политической борьбы.

Монографии, изданные М. Неттлау [46] [47] [115] и Д. Гильомом [92] в начале XX века, предоставляют ценные материалы для изучения зрелого этапа политической и революционной деятельности Бакунина - их работы характеризуются аргументированной критикой и использованием широкой базы документальных источников. К сожалению, М. Неттлау и Э. Малатеста по идейным соображениям ответили отказом на выдвинутое советскими учеными предложение о сотрудничестве, что не позволило дополнить источниковую базу и ограничило возможности отечественных исследователей в 20-30-е гг. прошлого столетия.

Н. Росселли [119] описывает идейное противостояние Мадзини и Бакунина в контексте развития рабочего движения в период объединения Италии, он использовал уже опубликованные источники, однако его труд проясняет многие интересные детали, относящиеся к деятельности Бакунина и его соратников. В дальнейшем А. Ленинг [99] - [101] продолжил работу М. Неттлау по поиску и публикации трудов Бакунина.

С середины XX века смягчение политического режима позволило советским ученым заняться более обстоятельным изучением деятельности М.А. Бакунина; введение в научный оборот новых документов обеспечило доступ к дополнительному комплексу материалов для исследований. Обширную исследовательскую деятельность вела Н.М. Пирумова [48] - [51], чьи статьи и монографии заложили основу для дальнейшего изучения идеологического наследия Бакунина. Помимо трудов Пирумовой, появляется ряд работ, в которых авторы рассматривают различные аспекты жизнедеятельности Бакунина: И.Б. Зильберман [32], Т.Г. Семенкова [63], В.П. Иванов [33] [34] и мн. др. занимаются изучением теоретических построений и философских взглядов; статьи Е.Л. Рудницкой и В.А. Дьякова [55] - [57], а

также Н.Ю. Колпинского и В.А. Твардовской [40] [41] уделяют внимание участию Бакунина в международной революционной борьбе периода первой эмиграции. Для данного исследования представляет интерес монография И.В. Григорьевой [25] об эволюции рабочего движения в Италии эпохи Рисорджименто: тема тщательно проработана - подробный обзор периодической печати позволяет глубже вникнуть в общественные процессы; детально рассматриваются политика лондонского Генерального совета в отношении Италии и динамика социалистического движения в стране. Автор использует широкую источниковую базу, однако приверженность к марксистско-ленинской теории предопределила несколько однобокую оценку событий того периода, некоторые выводы подлежат пересмотру. В целом, несмотря на идеологические установки, научные труды середины XX века характеризуются большей объективностью и разнообразием тематики.

Западные ученые также продолжали разрабатывать тему анархического движения: Д. Вудкок [124] представил общую историю возникновения анархизма в Италии и России; П.К. Мазини [109] в своих работах рассматривает деятельность Бакунина в корреляции с эволюцией анархического движения в Италии - его исследования помогают раскрыть взаимоотношения революционеров и последовательное развитие анархизма. А. Романо [118] публикует свои исследования и по-прежнему наиболее острым дискуссионным вопросом остается оценка деятельности М.А. Бакунина в Первом Интернационале и идейного конфликта с К. Марксом.

Тема восстания в Болонье изначально представлена в монографиях М. Неттлау, Н. Росселли и Д. Гильома. Отдельные аспекты излагаются в объемном труде А. Анджолини и Э. Джакки. Из современных публикаций интерес представляет монография Н. Перниконэ [116]. Свидетельства участников тех событий помогают реконструировать ход событий. Историки по-разному оценивают роль и вклад М.А. Бакунина во время неудавшейся попытки «социальной ликвидации» 1874 г. В отечественной историографии

отсутствуют комплексные исследования темы восстания в Болонье, наиболее подробно ее рассматривает Ю.М. Стеклов.

Современные авторы концентрируют взгляд на теоретическом и идеологическом достоянии Михаила Александровича: А.В. Шубин [73], П.И. Талеров [67] - [70], П.В. Рябов [58] - [61] и другие - философские концепции Бакунина вызывают устойчивый интерес у исследователей. Среди современных трудов следует отметить новую объемную биографию Бакунина, созданную А. Каминьским [95].

Цель данной работы состоит в изучении деятельности М.А. Бакунина в Италии и ее последствий для развития общественно-политической ситуации в стране.

Исследовательские задачи:

- проследить основные этапы биографии М.А. Бакунина
- проанализировать революционно-анархическую концепцию М.А. Бакунина
- исследовать общественно-политическую и экономическую ситуацию в Италии в 60-70-х годах XIX в.
- изучить период деятельности М.А.Бакунина в Италии
- рассмотреть попытку восстания в Болонье и выявить последствия

Источниковая база: Круг источников, использованный в данной работе, содержит сведения, относящиеся к жизни и деятельности М.А. Бакунина и его окружения; оригинальные тексты на итальянском языке освещают социально-политическую обстановку, в условиях которой разворачивалась его борьба. Важную группу источников составляют труды самого Бакунина, мемуары и статьи соратников и идейных противников.

Источники представлены следующими группами:

Публицистика и политические сочинения - труды самого М.А. Бакунина, раскрывающие эволюцию его взглядов и формирование революционной концепции: «Исповедь», «Программа интернационального

братства», «Принципы и организация интернационального революционного общества», «Ответ одного интернационалиста к Мадзини», «Письма о Патриотизме», «Письма к французам», «Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы», «Федерализм, Социализм и Антитеологизм», «Кнута-германская империя и социальная революция», «Государственность и анархия» и др. Многие труды Бакунина безвозвратно утрачены: сам он небрежно относился к своим рукописям; в целях конспирации революционеры часто сжигали свои архивы; значительная часть документов была уничтожена в результате трагичных стечений обстоятельств. Другая группа источников состоит из сочинений современников Бакунина: манифесты и программные документы, трактаты и статьи Д. Гарибальди [17] [90], Д. Мадзини [110], К. Маркса и др [2].

Периодическая печать: в работе задействованы публикации анархической, республиканской и монархической периодики, позволяющие восстановить детали восстания в Болонье и понять сложившийся политический климат в стране. Из них можно выделить газеты, уделившие внимание восстанию в Болонье 1874 года - «Gazzetta dell'Emilia», «La Nazione», «La Plebe» и др. Анархические издания более позднего периода «Pensiero e Volontà», «Volontà» и др. на своих страницах публиковали статьи Бакунина и воспоминания его товарищей.

Опубликованные источники личного происхождения: письма и дневниковые записи Михаила Александровича [3] – [14], содержащиеся в сборниках М.П. Драгоманова [30] [31], В.П. Полонского [53], Ю.М. Стеклова [65] [66], а также в трудах М. Неттлау; переписка Н.В. Станкевича [64] и Т.Н. Грановского [24] - документы, помогающие раскрыть характер Бакунина. Мемуары и воспоминания современников, относящиеся к разным периодам жизни русского анархиста, являются ценными свидетельствами - они позволяют оценить события с разных позиций. К ним относятся публикации

А.И. Герцена [19] – [23], О.Е. Кафьеро-Кутузовой [35] [36], Э. Малатесты [102] [103] [105], М.П. Сажина [54] [62], Д. Альтобелли и др [76].

Неопубликованные источники личного происхождения представлены письмом М.А. Бакунина к Филиппо (Серафино) Мадзотти, участнику болонского восстания, который был вынужден удалиться в Швейцарию, где оказывал посильную помощь Михаилу Александровичу в последние месяцы его жизни.

Методологическая основа исследования построена на сочетании различных методов, опирающихся на принцип историзма. Исследование имеет комплексный характер. Для анализа становления личности М.А. Бакунина был задействован биографический метод; для изучения его деятельности - историко-сравнительный; историко-генетический метод был использован для выяснения причинно-следственных связей в поведении М.А. Бакунина и эволюции его мировоззрения. В исследовании был использован также описательный метод. Применение разных подходов дает возможность всесторонне подойти к разработке данной темы и позволяют прийти к объективным выводам.

Научная новизна заключается в введении в научный оборот новых источников, а также в комплексном рассмотрении деятельности Бакунина в Италии.

Апробация исследования. Промежуточные выводы обсуждались на внутривузовской конференции «Студенческие дни науки ТГУ» в 2024 г.

Структура данной выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы и использованных источников, приложений.

Глава 1 Основные этапы биографии М.А. Бакунина, эволюция взглядов

1.1 Ключевые моменты формирования личности М.А. Бакунина, этапы биографии

Михаил Александрович Бакунин родился 30 мая 1814 г. в дворянской семье тверского помещика Александра Михайловича Бакунина и Варвары Александровны Бакуниной (в девичестве Муравьевой). Он происходил «из старинной аристократической фамилии, а по состоянию был равно далек как от крупного богатства так и от стеснительной бедности», - писал А.И. Герцен [20, с. 29]. «Одно только поколение из рода Муравьевых, дало трех замечательных представителей делу декабристов», «на которых Мишель очень походил своим высоким ростом, небольшою сутуловатостью, светлоголубыми глазами, широким четырехугольным лбом и даже довольно большим ртом» [20, с. 29]. По словам Михаила Александровича, его отец был членом Северного общества с 1817 по 1825 г. [11, с. 26]. Документально подтвердить это невозможно: А.А. Корнилов утверждает, что Александр Михайлович относился отрицательно к заговорщической форме борьбы [39, с. 23]. Когда в «Союзе Спасения» возникли противоречия, Михаил Муравьев, в противовес уставу Пестеля, предоставил на суд А.М. Бакунина свой вариант устава Союза Благоденствия, «скопированный в значительной мере с устава немецкого «Tugendbund'a» (Союз добродетели). Доподлинно неизвестно, принял ли отец Бакунина участие в редакции документа [38, с. 43-44].

Александр Михайлович был человеком широкого кругозора, получивший образование в Италии. Он лично занимался воспитанием детей в либеральном духе, применяя на практике педагогические идеи Руссо. Детям давали знания об истории, физике, космографии и географии; кроме этого их

обучали иностранным языкам. Все Бакунины музицировали и занимались искусством, им прививалась любовь к природе, чтению книг - в доме царила творческая атмосфера. Как следует из воспоминаний самого Михаила Александровича, к моменту поступления в училище он хорошо изучил математику и основы алгебры, слегка древнюю историю, отлично говорил по-французски, немного владел немецким и английскими языками, но имел смутные познания в географии и не владел русской грамматикой [11, с. 27].

В 14 лет Михаил Бакунин был отправлен в Петербург для продолжения учебы в артиллерийском училище. «Русские военные школы - это нечто свирепое: в них прямо на глазах императора, воспитывают офицеров для его армии т. е. «ломают душу» детей и дрессируют их к безусловному повиновению», - писал А.И. Герцен [20, с. 30]. Военная служба, основанная на жесткой дисциплине и субординации, не подходила Бакунину. Учеба в военном заведении не нравилась юноше, тоска по Прямухино, по общению с братьями и сестрами проходит лейтмотивом в его переписке. «Весна приближается быстрыми шагами и даже в городе чувствуется ее близость. Все улицы покрыты грязью и издают ужасное зловоние... тогда как в деревне воздух полон благоухания, всюду цветы, деревья, покрыты пахучей листвой...» [11, с. 45]. Молодой Бакунин тщательно скрывает свои мысли и чувства относительно учебы, письма содержат светскую болтовню, они наполнены оптимизмом и воодушевлением: юноша вхож в лучшие столичные дома - например, посещает салон Е.М. Олениной, «первый литературно-художественный салон начала прошлого века, в котором сходились все лучшие представители тогдашней литературы и искусства» [39, с. 14] [11, с. 44]. Из характера переписки с родными вырисовывается образ восторженного юноши, слегка поверхностного и ранимого [Приложение Б] (рис. Б. 1).

В Петербурге Бакунин впервые влюбляется, здесь он впервые сталкивается с пороками и несправедливостью. В одном из писем он рассказывает о происшествии в училище, где перед Мишелем встал выбор:

принять незаслуженное наказание или донести на своих провинившихся товарищей - Бакунин предпочел понести наказание [11, с. 43-44]. Эпизод важен тем, что проливает свет на моральные установки молодого человека. Во время ареста и тюремного заключения в зрелые годы он будет придерживаться схожей линии поведения, о чем свидетельствует «Исповедь», написанная по повелению Николая I: Бакунин рассказывает только о своей деятельности, скрывая имена своих соратников.

Жизнь в Петербурге оставит неприятные воспоминания: «до сих пор душа и воображение мои были чисты и девственны...; в артиллерийском же училище я вдруг узнал всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни. И если даже я не впал в пороки, которых я был частый свидетель, то, по крайней мере, привык к ним до такой степени, что они не только не приводили меня в омерзение, но даже не удивляли меня. Сам же я привык лгать, потому что искусная ложь в нашем юнкерском обществе не только не считалась пороком, но единогласно одобрялась» [38, с. 50].

Молодой человек не был честен с родными, умалчивая о своем отрицательном отношении к службе, о недостаточном усердии в учебе и о слабости своей натуры: в Петербурге проявляется его поверхностное отношение к денежным обязательствам - юноша влез в долги, история всплыла и Мишель вынужден написать покаянное письмо родителям. Он не снимает с себя ответственности за свои поступки, но часть вины перекладывает на свое окружение. «Во мне есть желание добра, но не достаёт довольно характера, чтобы вдруг взять верх над моими страстями», он пишет о порочности, своего окружения: «я совершенно отдалился от общества моих товарищей, где вино, карты и другие занятия, которых стыдливость не позволяет мне назвать, составляют почти единственное времяпровождение времени и единственные предметы разговора» [11, с. 111-112].

Эволюцию мировоззрения молодого человека полным образом отражает переписка: с течением времени риторика писем начинает меняться,

тексты становятся более вдумчивыми и рассудительными; юношеская восторженность сменяется чувством пустоты и разочарованием в светской жизни. Мишель полон решимости наброситься на учебу, занять себя интеллектуально: «Писать, говорить по-русски, знать отечественную историю, знать, одним словом, святую Русь - нужно русскому» [11, с. 125]. Свою переписку Бакунин вел в основном на французском языке, однако эту фразу он написал по-русски.

Молодой Бакунин размышляет о патриотизме, о готовности русского человека пожертвовать своей жизнью во благо отечества. Он и впоследствии обращался к данной тематике. В «Письмах о патриотизме» это социальное чувство подвергнется всестороннему анализу с выводом об опасности некоторых форм патриотизма, которые используются для оправдания войн.

В 1833 году М.А. Бакунин получает чин офицера, но уже через год его со скандалом высылают на службу в провинцию. Эпизод в общих чертах описывается в труде А.А. Корнилова и других авторов, включая Н.М. Пирумову; тем не менее не найдено документальных источников, проливающих свет на детали инцидента. Сам же Бакунин умалчивает о подробностях. Служба угнетает его: «Я здесь в краю мне чужом, с людьми образа мыслей и чувств совершенно от моего различного, с людьми холодными, не имеющими даже и тени образованности, я только и счастлив, когда один, когда никого не вижу и не слышу...» [11, с. 134].

«Пусть бьет меня судьба, я ее уже не боюсь! Она уже причинила мне все зло, на какое способна, лишив меня всех иллюзий юности», - пишет Бакунин сестрам Беер [11, с. 138-139]. Молодой человек сетует на сослуживцев, которые презирают истинную образованность и служат не за любовь к царю и Отечеству, но за жалование и за почести; тоскует по родной усадьбе Прямухино, по-прежнему дает наставления сестрам и просит денег у родителей. Скука и бездействие подтолкнули Бакунина к активным интеллектуальным поискам: он делает переводы с немецкого, изучает

польский язык, математику и физику, совершенствует русский язык, но самое главное - признается в увлечении философией [11, с. 154]. Деятельная натура Бакунина не позволяет проводить время в праздности, занятие наукой дает выход творческой энергии молодого человека. Это важно для понимания характера Бакунина.

В 1835 году Михаил Александрович оставляет ненавистную службу и уходит в отставку, что вызывает отрицательную реакцию семьи, но молодой человек проявляет твердость, отстаивая собственное право на выбор судьбы. Впоследствии отец не раз будет оказывать давление, принуждая сына поступить на службу, однако Мишель был готов пойти на разрыв отношений ради собственной независимости.

Молодой Бакунин переезжает в Москву. А.И. Герцен в резких словах описывает период реакции после подавления восстания на Сенатской площади: «Нравственный уровень общества упал, развитие было прервано, все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни» [23, с. 38], «после декабристов все попытки основать общества не удавались действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы - предварительной, внутренней» [22, с. 144]. Ему вторил Бакунин: «Николаевский период развил в России очень много дряблых душ, без страсти в сердце, без живой мысли в голове, но с великолепными фразами на языке» [6, с. 76]. Прогрессивная молодежь задыхалась в душной атмосфере 30-х годов, молодые люди стремились реализовать свой творческий и умственный потенциал - в столичных городах образуются студенческие кружки, более или менее радикальные. «Мысль томилась, работала - но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно - да и нечего было сказать» [23, с. 139].

В Москве круг знакомств Бакунина расширяется, он обретает друзей и первый из них - Н.В. Станкевич, к которому до конца своих дней Бакунин сохранил самые теплые чувства. «Станкевич понял его таланты и засадил его

за философию» [23, с. 43]. Николай Владимирович Станкевич собрал вокруг себя цвет интеллектуальной молодежи, вместе они погружаются в изучение философии: Кант, Фихте, Шеллинг и наконец Гегель. «Бакунин и Белинский... каждый с томом Гегелевой философией в руках и с юношеской нетерпимостью, без которой нет кровных, страстных убеждений» [23, с. 16]. Обладая «большими диалектическим способностями», Мишель настолько преуспел в изучении немецкой философии, что друзья обращались к нему за помощью: «Бакунин обладал великой способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине» [21, с. 353].

М.А. Бакунин не сразу сблизился с А.И. Герценом и его окружением по причине некоторого отчуждения между Станкевичем и Герценом. «До ссылки между нашим кругом и кругом Станкевича не было большой симпатии. Им не нравилось наше почти политическое направление, нам не нравилось их почти исключительно умозрительное. Они нас считали фрондерами и французами, мы их - сентименталистами и немцами» [23, с. 17]. Ситуация изменилась после возвращения из ссылки Александра Ивановича в 1839 г., в «самое блестящее время» круга Станкевича, и взаимное холодное уважение сменилось сближением молодых людей из обоих кружков. Герцен признал необходимость «серьезно заняться наукой», ведь «философия Гегеля - алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского» [23, с. 23, с. 40]. Горячие споры и даже ссоры между молодыми людьми происходили постоянно, Бакунин был их активным участником. «Вчера у меня была схватка с Бакуниным... Теперь я понимаю, что Боткин и Белинский называют его абсолютизмом», - писал Т.Н. Грановский в феврале 1840 года [24, с. 381]. Страстный и нетерпимый характер Бакунина проявлялся в отношениях с окружающими - со многими из них, после скандалов и раздоров, пути разошлись («Сиверион» Белинский, М.Н. Катков) [Приложение Б] (Рисунок Б.2). С другими, несмотря на

разность взглядов, размолвки и обиды, дружба выдержала испытание временем (А.И. Герцен, Н.П. Огарев). Конфликтные ситуации раскрывают черты характера будущего анархиста: в зрелые годы Бакунин сумеет обуздать пылкий темперамент, что позволит взвешенно подходить к критике оппонента - неприязненное отношение к К. Марксу не отразится на объективной оценке его теоретических трудов и вклада в развитие рабочего движения; глубокое уважение к Д. Мадзини и Д. Гарибальди не оградит от безжалостных суждений их идеологические платформы.

Личность Бакунина оказывает глубокое воздействие на окружающих, под напором Мишеля не устоял даже неистовый Виссарион, что уж говорить о сестрах, которые начали умствовать и увлеклись философией: «Варинька хочет читать Гегеля. Таничька даже не хочет его читать, так как ей хочется чего-то более серьезного и более трудного» [12, с. 57].

На московский период приходятся первые публикации переводов и статей в «Московском наблюдателе», «Телескопе», в «Отечественных записках», однако доходы от них невелики. Михаил Александрович не располагает финансовыми средствами и вынужден постоянно прибегать к помощи друзей, чтобы рассчитаться с долгами. А деньги были необходимы для осуществления давней мечты - поездки в Европу, в Берлин для системной и обстоятельной учебы. «Мыслить, мыслить и мыслить - это несомненно главное» [12, с. 185]. «Я поеду с пятьюстами рублями и буду есть хлеб да воду, жить на чердаке и ходить в старом сюртуке с тем только, что буду учиться в Берлине. Я должен это сделать, потому что в успехе для меня заключается разрешение вопроса о жизни и смерти» [12, с. 246-247]. Насчет бедности Бакунин не ошибся, он никогда не достиг финансовой стабильности. Деньги на поездку Михаил Бакунин получил от Герцена. Осенью 1840 г. Бакунин отправился в Берлин.

Во время европейского периода формируются философские взгляды Бакунина; политическая атмосфера общества и полученные новые знания

расширяют круг его интересов - абстрактные философские проблемы отходят на второй план, теперь его привлекает политика и социальные проблемы. В 1842 г. в журнале А. Руге он публикует статью под названием «Реакция в Германии», получившую шумный резонанс как в Европе, так и в России. Знакомство с В. Вейтлингом и его теорией приближают Бакунина к коммунистическим идеям и фокусируют внимание на рабочем движении. Михаил Александрович жил в стесненных материальных условиях, в минуту отчаяния он пишет домой: «мое положение так невыносимо тяжело, что если б во мне было менее веры, то я просто застрелился бы» [13, с. 206].

В 1844 г. Михаил Александрович знакомится с К. Марксом, Ж-П Пруденом, чьи теории окажут влияние на эволюцию взглядов Бакунина; тогда же он становится одним из первых политических эмигрантов - 12 декабря император Николай I утверждает решение Сената о лишении М.А.Бакунина прав и дворянского звания, в случае возвращения в Россию его ждала вечная ссылка «за неповиновение приказу его величества и за поведение, недостойное русского офицера» [21, с. 356].

Понятие свободы никогда не было пустым звуком для Бакунина, жажда свободы была неотъемлемой частью его сущности. Наперекор воле отца он освободился от тяготившей службы, отстаивал права любимых сестер перед семьей и друзьями. Возможно, утрата дворянского звания воспринималось Бакуниным как символ освобождения: лишенный сословных предрассудков, он наконец утратил статус, воздвигающий социальные барьеры; Бакунин даже принял решение зарабатывать на жизнь физической работой. Правда, он не реализовал этот замысел.

Резкое письмо Бакунина в редакцию газеты «Реформа» по поводу решения Сената имеет характер революционной прокламации: «Что касается дворянства, то его права - не более, чем фикция, ибо они ничем не обеспечены и по закону зависят от императорского усмотрения... в России закон есть не что иное как воля императора», «я держусь того мнения, что для

несчастливых и угнетенных стран, как Россия и Польша, нет другого спасения кроме демократии» [13, с. 240-242].

Бакунин становится скитальцем Европы, из Германии он перебирается в Швейцарию, затем во Францию. В декабре 1847 г. Бакунин получает предписание покинуть Париж и Францию «за нарушение общественной тишины и спокойствия» [13, с. 281], после пражских событий его преследовало австрийское правительство. «Я пришел к убеждению, что слава чрезвычайно опасного человека, которую он был окружен в широких европейских кругах, вытекала из теоретической пропаганды его воззрений, а не из-за его практической работы на почве действительной жизни», - вспоминал Р. Вагнер [16, с. 74].

Революционные события 1848 года Бакунин встречает со сложившимися революционно-демократическими взглядами с тенденцией к панславизму, он устанавливает связи с польскими, немецкими, чешскими революционерами; пишет статьи, произносит речи, принимает участие в конгрессах. «24 февраля открыло для него двери Франции, широкого политического поприща и вечного заточения. Бакунин помолодел и в первый раз почувствовал возможность полностью проявить все свои силы и всю свою энергию» [21, с. 357]. Деятельная натура подталкивает его к прямому участию в революционных событиях: он организует рабочих в Париже во время революции, участвует в пражских волнениях, в мае 1849 г. руководит восстанием в Дрездене вместе с Гейбнером и Рихардом Вагнером - наконец-то пригодились навыки, приобретенные за годы учебы в артиллерийском училище.

Бакунина арестовали сразу после событий в Дрездене и передали военному суду, его дважды приговорили к смертной казни (сначала Саксонский, затем Австрийский суд), но приговор не был приведен в исполнение. В 1851 г. Австрия выдала повстанца царскому правительству, так начался период тюремного заключения и ссылки. «В годы, проведенные им в

Дрездене, Швейцарии и Париже, идя от Руге через Вейтлинга, Прудона, он попутно изучал также всех других социалистов того времени, богатого проявлениями социалистических настроений. Эти радикально-философские и гуманистические социальные настроения и революционные чаяния наполнили всё его существо» [47, с. 80].

С 1851 по 1854 год Михаил Александрович провел заточение в «лучшей камере» № 7 Алексеевского рavelина размером 6 на 6 шагов, следующие три года - в Шлиссельбургской крепости [18, с. 380]. Его «Исповедь», написанная по распоряжению императора, была найдена и опубликована после революции. Этот документ вызвал новую волну интереса к личности Бакунина, содержание рукописи до сих пор подвергается анализу и критике со стороны исследователей. Письмо к Николаю I завершается просьбой о свидании с родными. Подобные послабления были редкими в Петропавловской крепости, а тем более в Шлиссельбургской, тем не менее, в течение шести лет тюремного заключения Бакунин несколько раз встречался со своими родными, состоял с ними в переписке и при свидании смог передать несколько тайных записок. Он писал: «Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого одиночного заключения, столь восхваляемого американскими филантропами!.. Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе во всякую минуту дня и ночи: я раб, я уничтожен, сделан бессильным к жизни» [18, с. 430]. Бакунину было дозволено получить несколько личных вещей, книг и журналов, которые хоть как-то отвлекали революционера от вынужденного бездействия.

Длительное тюремное заключение подорвало здоровье Бакунина, он потерял зубы, заболел цингой. В феврале 1857 г. Бакунин подал прошение на имя Александра II: «Государь! - Одинокое заключение есть самое ужасное наказание; без надежды оно было бы хуже смерти: это смерть при жизни, - сознательное, медленное и ежедневно ощущаемое разрушение всех

телесных, нравственных и умственных сил человека; чувствуешь, как каждый день более деревенеешь, дряхлеешь, глупеешь, и сто раз в день призываешь смерть как спасение» [9, с. 140]. Просьба об освобождении была удовлетворена, Бакунин отправился на поселение в Сибирь.

Находясь в ссылке, Бакунин с вниманием следил за событиями в Италии. «Трепет новой жизни пробежал по России: разбитая Австрия отступила, итальянское знамя развевалось в Милане, Бакунин рассказывал нам жадность, с которой он в Иркутске следил за Гарибальди, за полуостровом, выступавшим ярче и ярче на свет свободы», - вспоминал Герцен [19, с. 989-990].

Осенью 1861 года Бакунин бежал из ссылки, краткий рассказ о побеге содержится в сборнике М.П. Драгоманова [31, с.74-75], авантюрные детали побега в своих воспоминаниях приводит Де Ливрон [29, с. 450]. Оказавшись в Европе, русский бунтарь возобновил активную революционную деятельность. Он наладил контакты с Д. Мадзини и А. Саффи, предпринимал попытки связаться с Д. Гарибальди, написав последнему несколько писем. В них он излагал свою революционную программу и заявлял о необходимости объединить итальянское и славянские движения для общего дела: «Италия, по положению, интересами и сравнительной юности, настоящий друг славян», «мы естественные враги немцев. Ненависть славян к немцам равняется ненависти итальянцев к Австрии», «не нужно Австрии и немецкого владычества, но вместе с тем не нужно и царизма и империи в России. На место всего этого автономия и федерация всех свободных народов» [42, с. 89]. Письма не дошли до адресата, гонец Ничипоренко был арестован в Пескьере и документы попали в руки царского правительства.

После захлебнувшегося польского восстания 1863-64 гг. Бакунин отправился в Италию. Материалы, посвященные русскому революционеру появлялись в печати: римская газета «Il Contemporaneo» издала бакунинское «Обращение к славянам», в 1851 г. в Ницце вышла в свет брошюра Герцена, в

которой упоминался Бакунин, несколько позже «L'Àvenir de Nice» поспешила сообщить о его смерти - интерес к личности анархиста подогревался прессой [109, с. 12]. Последние годы жизни Михаил Александрович посвятил планам реализации социальной революции в Италии.

Мы пришли к выводу, что характер будущего анархиста складывался в условиях гармоничного мира родового гнезда, жизнь в Петербурге, грубость армейской казенной среды подвергли серьезному испытанию моральные и нравственные устои молодого человека. Занятия философией позволили ему в полной мере развить диалектические способности, процесс получения знаний реализовывал неуемную жажду деятельности, которая в будущем найдет свой выход в революционной борьбе. Сложившийся круг общения в Москве стимулировал напряженную умственную работу и духовный рост молодого Бакунина. Шаг за шагом философские знания подвели к осмыслению действительности, далекой от идеалов справедливости. Занятия философией дисциплинировали ум и предопределили судьбу Бакунина, чей бунтарский дух не позволил ему смириться с ролью созерцателя грубой реальности. Приговор о лишении всех прав, состояния и перспектива ссылки в Сибирь на каторжные работы ознаменовал точку невозврата, окончательное решение порвать с прошлым. Накаленная обстановка в Европе послужила катализатором для выхода неуемной энергии и понимания собственного предназначения. Бакунин вступил на путь революционной борьбы - таким образом свершился процесс трансформации пылкого юноши в профессионального революционера.

1.2 Основные положения революционно-анархической концепции

М.А. Бакунина

Большинство трудов Бакунина имеют незаконченный характер, многие его тексты фрагментарны, основная часть письменного наследия

представлена письмами и значительный массив документов безвозвратно утерян. Эти обстоятельства усложняют изучение трудов Михаила Александровича, однако данное исследование не ставит своей целью восполнение пробелов или критику концепции выдающегося анархиста. Бакунин не был систематическим философом, и в этом проявляется его бунтарский дух. Эволюция мысли прослеживается в последовательном духовном развитии: от увлечения философией Фихте, Шеллинга и Канта до изучения Гегеля, Фейербаха и Конта. Под влиянием идей Вейтлинга, учения Маркса и Прудона в мировоззрении будущего анархиста усиливаются антирелигиозные и материалистические позиции, его все больше занимают социальные вопросы и общественные проблемы. «Долой все религиозные и философские догмы! Они представляют сплошной обман. Истина - это не теория, а факт, сама жизнь», - писал он в 1845 году [13, с. 246].

Первый европейский период Бакунина характеризуется переходом от абстрактных концептуальных построений к конкретике; революционная обстановка способствовала радикализации его сознания - уже на данном этапе разрешение вопроса о социальной справедливости и свободы он связывает с «полным переворотом всего мирового уклада» [6, с. 129]. Бакунин концентрирует внимание на теме освобождения славянских народов: в текстах прослеживается мысль о федеративном устройстве Европы с некоторыми заложенными принципами будущей анархической концепции [13, с. 302-304, с. 346] [6, с. 47-69].

Побег из ссылки и возвращение в Европу открывают последний и самый плодотворный этап жизни М.А. Бакунина - в этот период он развивает свои теории и формирует социальную модель общества. Поражение восстания в Польше повлекло за собой отмежевание от идей панславизма: более широкое осмысление реальности приводит к выводу о необходимости всеобщей социальной революции. С этого момента Михаил Александрович направляет свои силы на реализацию этого проекта.

В Италии Бакунин столкнулся с действительностью, которая имела черты, присущие Российской империи: слабо развитое промышленное производство при аграрной структуре экономики на фоне нищеты и крестьянского безземелья - сходство не могло ускользнуть от внимания русского мыслителя и, возможно, способствовало оформлению анархической концепции. «Нищета и претерпеваемые им (итальянским народом) всякого рода страдания - ужасны и мало уступают нищете и страданиям, удручающим русский народ» [4, с. 95]. Подобные параллели влекли за собой более глубокое осмысление реальности с преодолением националистических установок и расширением границ свободы и равенства за рамки отдельного национального государства.

В XIX веке мода на тайные общества была распространена по всей Европе; общественно-политическая обстановка в Италии способствовала возникновению политических союзов и секретных сообществ. Находясь во Флоренции, Бакунин использовал опыт этих организаций для идейно-теоретической разработки программы своей тайной организации - «Союза социальной демократии» (*Alleanza della democrazia sociale*).

Переезд в Неаполь знаменует следующий этап деятельности Бакунина и новый виток эволюции его мысли. Сложившаяся ситуация в южных регионах новообразованного королевства имела ряд особенностей, которые позволяли предполагать больший революционный потенциал по сравнению с северными областями. Нищенствующая крестьянская масса и беднейший босяцкий пролетариат составляли основное население юга и, по мнению Бакунина, являлись движущей силой революции. В этот период программные документы («Принципы и организация интернационального революционного общества», «Революционный Катехизис») получают более завершённую форму и закрепляют анархические принципы теории Бакунина.

Сотрудничество в «Лиге Мира и Справедливости» в 1867-68 годах дало новые возможности, которыми располагали организации более открытого

типа; он в полной мере оценил потенциал Международного Товарищества Рабочих, объединяющего пролетариат в его борьбе за собственное освобождение. При этом анархист отторгал авторитарную форму управления организации, опасаясь потери тесной связи между «базой» (рабочими секциями) и руководящей верхушкой, что повлекло бы утрату единства и неизбежный крах организации. Действия, предпринятые Бакуниным против политики руководства Интернационала, спровоцировали конфликт с Генеральным Советом, который в любом случае был неизбежен по причине идейных расхождений в методах и стратегии борьбы. Труды этого периода («Государственность и Анархия», «Кнута-германская империя и социальная революция», «Федерализм, социализм и антитеологизм» и др.) представляют зрелую концепцию основателя мирового анархизма.

Основополагающим принципом в мировоззрении Бакунина на протяжении всей его жизни являлось понятие личной свободы: «Существует только один-единственный догмат, один-единственный закон, одна-единственная моральная основа для людей - свобода. Уважать свободу ближнего есть обязанность; любить его, служить ему есть добродетель» [10, с.1], индивидуальная свобода неразрывно связана со свободой каждого члена общества, свою миссию Бакунин видел в уничтожении рабства во всех его проявлениях: «быть свободным и освобождать других - вот тайна жизни», - размышлял он в 1845 году [13, с. 248]. «Истинно свободным я становлюсь только через свободу других, так что, чем многочисленнее свободные люди, тем более обширной, глубокой и широкой становится и моя свобода. Напротив, рабство людей ставит пределы моей свободы» [5, с. 266], «я человек и свободен сам лишь постольку, поскольку я признаю свободу и человечность всех людей, окружающих меня» [5, с. 264]. Существующее положение социального, политического и экономического неравенства, основанного на привилегиях отдельной прослойки общества, несовместимо с понятием свободы, следовательно, необходимо «прежде всего уничтожить

все личные привилегии, как политические, так и экономические, т. е. нужно уничтожение классов. Нужно уничтожение индивидуальной собственности и наследственного права» [7, с. 52]. Уничтожение наследственного права и привилегий при соблюдении принципа солидарности гарантирует каждому человеку равенство на старте, на отправной точке жизни. Только достижение полного равенства может обеспечить всем людям развитие индивидуальных способностей и способствовать истинному раскрепощению [7, с. 51]. Однако господствующие классы никогда добровольно не откажутся от своего благосостояния: на страже их интересов стоят социальные институты - Государство и Церковь.

Признавая существование Бога - всемогущего господина, человек добровольно позиционирует себя низшим существом, не способным самостоятельно, без божьей помощи достигнуть моральных и нравственных высот; он принимает рабство и отказывается от свободы. Сущность религии состоит в «порабощении человечества в пользу божества», где человек в своем низменном положении не должен роптать на судьбу и добиваться справедливости, не должен бороться за лучшие условия жизни, он обречен на ожидание милости, ниспосланной от Бога, своего господина [14, с. 43-44]. Сложившийся несправедливый порядок оправдывается божьим промыслом: богатство и привилегии посланы в награду, а нищенская доля и тяжкий труд являются наказанием. Религиозные верования растлевают разум и возвращают трусость и раболепство. Смирение, как критерий добродетели, уничтожает человеческое достоинство и заставляет безропотно принимать порочное устройство мира, подобная духовная кабала «всегда будет иметь своим естественным последствием рабство политическое и социальное» [14, с. 44]. Всякая религия выступает инструментом контроля и манипуляции сознания угнетенных масс и потому ее влияние должно быть сведено к нулю. Однако антирелигиозная пропаганда не в силах преодолеть барьер невежества, умозрительные заключения чужды простому народу - духовное

освобождение возможно после изменения политического и экономического положения народа, «только лишь социальная революция сможет разрушить религиозные верования и изменит привычки народа» [3, с.13].

«Государство... есть историческое освящение всех деспотизмов и всех привилегий, политическое основание всех экономических и социальных порабощений, самая сущность и центр всякой реакции», - рассуждает Бакунин [5, с. 56]. Государство - олицетворение власти, а значит и господства - легитимно закрепляет и гарантирует возможность эксплуатации, оно является формой организации не общества, но правящей верхушки, свободу и интересы которой защищает путем замаскированного или откровенного насилия. Государство призвано поддерживать режим законности и порядка; человек жертвует частью своей свободы в обмен на обеспечение безопасности, не осознавая, что утрачивает ее полностью. «Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком», «там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот» [14, с. 88-89]. Самые чудовищные преступления оправдываются общественным мнением, если они совершаются во славу державы; в борьбе с врагом истинным или воображаемым, внутренним или внешним, государство прибегает к любым методам, узаконивая жестокость и бесчеловечность.

Более того, само существование государств, опирающееся на идеи патриотизма и национализма, является угрозой всему человечеству, так как для укрепления могущества любое государство из чувства самосохранения стремится захватить соседние страны: «Государство это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных» [14, с. 92-93], «всякое государство должно завоевывать или быть завоеванным. Всякое государство основывает свое могущество на слабости, а если может без вреда для себя, и на уничтожении других держав» [6, с. 116]. Бакунин делает вывод,

что для освобождения общества «уничтожение церкви и государства должно быть первым и необходимым условием» [7, с. 259], «но государства сами не валятся; их может только повалить всенародная и всеплеменная интернациональная Социальная Революция» [4, с. 114].

Бакунин не был сторонником компромиссов, когда дело доходило до практики: он отрицал парламентаризм, который позволил бы завоевать некоторые политические права, тем самым создав иллюзию обретенной свободы. При существующих социальных и политических институтах экономическое освобождение трудящихся масс не представляется возможным, Михаил Александрович предупреждает, что обладание верховной властью без экономического равенства будет лишь фикцией - народные массы невежественны и необразованны, они не могут разобраться в политических тонкостях и ухищрениях, которыми пользуются господствующие классы; угнетение и рабство обретут новую форму - правящие верхи не допустят установления социальной и экономической справедливости в ущерб своим интересам: «пролетариат хочет одного, а ловкие люди, пользуясь его невежеством, заставляют его делать другое, так что он даже и не подозревает, что делает совсем противоположное тому, что хочет. И когда, наконец, он замечает это, обыкновенно бывает слишком поздно исправить сделанное зло, первой и главной жертвой которого он естественно, необходимо и всегда является» [5, с. 36]. Бакунин считает, что господствующие классы сами являются заложниками собственного привилегированного положения, которое «убивает душу и сердце человека», развращает его ум и лишает гуманности - неравенство превращает их в людей несвободных [3, с. 29]. Он предлагает направить усилия на ликвидацию порочной системы посредством социальной революции, на «уничтожение принципа власти во всех его возможных проявлениях; это полное уничтожение политического и юридического Государства» [5, с. 56]. «Мы отвергаем всякое законодательство, всякую власть и всякое

привилегированное, дипломированное и легализованное превосходство, хотя бы возникшее даже путем всеобщего голосования, так как мы убеждены, что оно может обратиться только к выгоде преобладающего меньшинства эксплуататоров против интересов огромного большинства подчиненных им людей», - категорично провозглашает Бакунин в трактате «Бог и государство» [3, с. 34] [Приложение В] (Рисунок В. 1).

«Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии», - писал Ф. Энгельс [43, с. 200-201]. Бакунин полностью разделяет эту точку зрения: «Между монархией и самой демократической республикой существует только одно существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно также теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли... Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкой народной» [14, с. 313-314]. Тезис марксистов об отмирании государства созвучен анархической концепции его уничтожения, но при этом Бакунин не приемлет переходную форму - диктатуру пролетариата и критикует положение о ее временном характере: «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя... она способна породить... только рабство; свобода может быть создана только свободой» [4, с. 296]. В случае установления диктатуры пролетариата управление массами перейдет к избранным представителям, которые несомненно утратят свою классовую принадлежность, а следовательно не будут представлять интересы рабочего класса - кучка вождей «составит новое привилегированное научно-политическое сословие» [4, с. 298], извлекающее выгоду из собственного исключительного положения, а большинство народных масс вновь окажется под гнетом избранного меньшинства; новая

элита, сосредоточив власть в своих руках, создаст единую производственную и финансовую систему - государство станет «единственным капиталистом, банкиром, организатором, управляющим всем национальным трудом и распределителем его продуктов», то есть крупнейшим монополистом [7, с. 239], следовательно капиталистическая форма эксплуатации сменится гнетом коммунистическим. «Мы действительно враги всякой власти, ибо знаем, что власть действует столь же развратительно на тех, кто облечен ею, сколько и на тех, кто принужден ей покоряться. Под тлетворным влиянием ее одни становятся честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества в свою личную или сословную пользу, другие - рабами» [4, с. 238]; для анархистов целью является разрушение дворцов власти, тогда как для марксистов - их захват, в этом и заключается коренное отличие социальной революции от революции политической.

Революция не может быть навязана извне, она не делается «по воле отдельных личностей, ни даже самых могущественных ассоциаций» [7, с. 21], она зреет в недрах народных масс. Движущей силой революции Бакунин считает пролетариат и крестьянство, делая упор на их союз, так как одного восстания «городского пролетариата недостаточно; с ним у нас будет только политическая революция, которая неизбежно вызовет против себя естественную, законную реакцию деревенского люда, и эта реакция или только равнодушие крестьян задушит городскую революцию» [8, с. 202]. Для того, чтобы привлечь крестьян на сторону революции, Бакунин предлагает посылать в деревню пропагандистские вольные отряды рабочих с целью «не навязать революцию деревням, но вызвать и возбудить ее там» [5, с. 49].

Бакунин наблюдает разобщенность рабочих масс: «чтобы создать народную силу, способную раздавить военную и гражданскую силу государства, надо организовать пролетариат» [8, с. 46]. Бакунин считал, что в отличие от политической революции, «крупные господствующие личности» приносят вред социальной революции из-за несовместимости с поставленной

целью освобождения масс, «в революционной деятельности... коллектив должен заменить личность» [8, с. 212].

Изначально Бакунин возлагал надежды на тайные союзы и братства, которые активно образовывал в разных странах Европы. В конце 60-х годов он оценил потенциал Международного Товарищества Рабочих, угадывая в нем мощное средство для организации пролетариата. «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих», - подтверждает Бакунин слова устава I Интернационала и продолжает: «освобождение рабочих не является чисто местной или национальной задачей; это - задача всех цивилизованных стран» [7, с. 13, с. 73]. Социальная революция, призванная уничтожить Церковь и Государство во всех его формах, должна привести к новой социальной организации общества: «Справедливость, Равенство и Свобода для всех. Уничтожение классов посредством экономического уравнивания всех. Социальная ликвидация» [5, с. 20-21].

В «Революционном катехизисе» и других работах Бакунин детально выстраивает модель нового общества, основанного на идеях индивидуальной и коллективной свободы и всеобщего равенства. Данная модель предусматривала отмену классов и привилегий, упразднение церкви и государственных институтов, упразднение центральной власти, роспуск войска и полиции; полную свободу слова, совести и культа, отмену права наследия как гарант социального равенства в «исходной точке». Концепция сохранения социального и экономического равенства не подчинялась уравнительному принципу - гарантии личной свободы позволяли индивиду следовать своим стремлениям, идущим вразрез интересам общества, например, потакать своей лени - в данном случае он нес полную ответственность за собственный выбор. Индивидуальная свобода имеет абсолютный характер, не предусматривались запреты на создание ассоциаций и организаций, «которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых было бы извращение и

разрушение индивидуальной и общественной свободы» [10]. Чтобы неограниченная свобода не вылилась в произвол, необходимо устранить моральные и нравственные изъяны, причины которых кроются в порочной организации социума. Проблема девиантного поведения решалась не карательными мерами, а за счет должного воспитания и образования подрастающего поколения, большой вес приобретают этические нормы - общество возлагало на себя функцию надзора в данной сфере. Система предвидела отмену всех привычных форм наказания, включая смертную казнь; осужденному за преступления предоставлялось право неподчинения вынесенному приговору, тем не менее он не мог избежать ответственности и подвергался изгнанию, лишенный политических прав и гарантий защиты.

Бакунин заложил принципы социальной солидарности по отношению к слабым и недееспособным категориям граждан - общество брало на себя расходы по содержанию беременных женщин, стариков и больных, а также гарантировало бесплатное образование, равное и для всех обязательное [10]. «Образование должно будет охватывать все отрасли науки, техники и промышленности. Оно должно быть одновременно и научным и профессиональным, общим - обязательным для всех детей, и специальным - применительно ко вкусам и наклонностям каждого из них так, чтобы всякий юноша и девушка, вышедшие из школы и достигшие гражданского совершеннолетия, были бы одинаково подготовлены как к умственному, так и к ручному труду» [53, с. 129].

Труд, являясь источником благосостояния и основой человеческого достоинства, выводился из подчинения капиталу и являлся основой общества: «конец нужды, конец нищеты и полное удовлетворение всех материальных потребностей посредством коллективного труда, для всех обязательного и для всех равного» [4, с. 96].

Общество образовывается на принципах самоуправления и самоорганизации снизу, без централизованной иерархии; вольные федерации

рабочих и крестьян вместо хозяина-эксплуататора, «земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками - земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам - рабочим ассоциациям» [6, с. 97]. Функция власти не отрицается и не закрепляется за определенной социальной группой, самоуправление должно осуществляться при помощи выборных лиц, основным принципом является сменяемость власти.

Свободные федерации общин образуют провинции, из которых складывается нация - никакой централизованной и авторитарной власти; нации организуют Соединенные Штаты Европы [6, с. 102]. «Свобода, справедливость, братство всем человеческим существам, которые родятся на земле. Равенство для всех. Для всех безразлично все средства развития, воспитания и образования и одинаковая возможность жить, работая. Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и нации в международный братский союз» [8, с. 197-198]. Национальность осознается как факт, способствующий самоопределению и «имеющий бесспорное право на свободное существование и свободное развитие»; «право национальности всегда будет рассматриваться... как естественное следствие высшего принципа свободы, и оно перестанет быть правом, как только окажется или против свободы, или даже просто вне свободы» [14, с. 20-21]. Таковы базовые принципы организации нового социума согласно теории М.А. Бакунина.

Уничтожение классового господства было заявлено в уставе Первого Интернационала: цели М.А. Бакунина не противоречили задачам Международного Общества Рабочих, однако его чаяния простирались дальше легальных форм сопротивления и пропаганды, он желал подвести рабочие массы к решительным действиям, к непосредственной революционной борьбе - в основе противостояния с Генеральным советом лежала

потребность свободной реализации своих замыслов, независимо от указаний и директив из центра, тогда как руководство Интернационала во главе с К. Марксом и Ф. Энгельсом стремилось создать жесткую централизованную организацию с твердой дисциплиной в соответствии с собственной стратегией борьбы. Обе стороны находились на непримиримых позициях в отношении методов и средств достижения общей цели, что привело к расколу организации. В данной ситуации проявился радикализм и бунтарская сущность М.А. Бакунина.

Мы пришли к заключению, что под влиянием итальянской действительности концепция Бакунина начинает приобретать законченный характер. Несмотря на абстрактность, утопичность и противоречивость своей теории, Бакунин разработал новую, «безгосударственную» форму организации общества, основанную на принципах федерализма и самоуправления, которая сможет утвердиться благодаря нравственным идеалам свободы, солидарности и братства. Его бескомпромиссная программа напоминает идеал, к которому надо стремиться, но достигнуть который невозможно - анархизм Бакунина носит незавершенный характер.

Бакунин часто заблуждался относительно настоящего, но с большой ясностью прогнозировал будущее, анализируя работы своих политических противников - в рассуждениях о сущности и характере диктатуры пролетариата он оказался намного ближе к истине, чем ее идеолог К. Маркс.

Глава 2 Революционная деятельность М.А. Бакунина и его влияние на развитие социалистического движения в Италии

2.1 Общественно-политическая ситуация в Италии в 60-х гг. XIX века, развитие рабочего движения

В начале 60-х годов XIX века в Италии сложилась крайне неустойчивая обстановка, характеризующаяся социальной напряженностью и политической нестабильностью. Продолжительная борьба итальянского народа привела к слиянию Сардинского королевства и Королевства обеих Сицилий, которые образовали единое монархическое государство. Но процесс объединения страны не был завершен: Папская область разрывала единое экономическое и политическое пространство молодого государства, а в Венето и Тренто по-прежнему властвовали австрийцы. Против правления Виктора Эммануила II выступали демократические силы под руководством Джузеппе Мадзини [Приложение Г] (Рисунок Г. 1), чьи усилия были направлены на установление республиканской формы правления. Действия Д. Гарибальди [Приложение Г] (Рисунок Г. 2), легендарного предводителя похода знаменитой «Тысячи», в результате которого пала династия Бурбонов, носили непредсказуемый характер и представляли потенциальную опасность для дома Савойи.

Избирательным правом пользовалось менее 2 % населения: рабочие, ремесленники и крестьяне не обладали политическими правами [86, с. 114-116]. Благодаря этому фактору, сформированное правительство имело однородную классовую структуру, что не помешало образованию двух течений - правого, ориентированного на монархию, и левого, приближающегося к демократически-республиканским принципам. Оба крыла не являлись политическими партиями в классическом понимании, то есть не имели организационной формы и структуры, у них отсутствовала

программа и четкая идеология, также они были лишены опоры на избирательную базу [84, с. 40-41]. Вплоть до 1876 года «правое» крыло находилось у вершины власти. Первое правительство (12 июня 1861 - 3 марта 1862 гг.) под руководством Беттино Риасколи сразу столкнулось с дефицитом бюджета - поступления в казну с трудом покрывали половину расходов [121, с. 332], национальный доход составлял 1/3 от французского и 1/4 от британского [91, с. 819]. Новое королевство не располагало военной мощью: армия была слабой и разобщенной - состав регулярных войск дополнялся рядами ополченцев с противоположными политическими взглядами, а устаревший флот не мог обеспечить безопасности с моря. В стране крайне слабо была развита логистика: на 1861 г. из 40 итальянских провинций только 6 имели сеть железных дорог общей протяженностью 2.773 км [120, с. 202] [85, с. 24]. Этот фактор вкупе с отсутствием торгового флота тормозил развитие торговли. Внутренний рынок приобрел общенациональный характер, однако испытывал кризис спроса из-за низкого уровня жизни населения, крестьяне были вынуждены по большей части производить необходимые им текстильные изделия и сельскохозяйственный инвентарь в домашних условиях, а не покупать на рынке. Таким образом, связь города с деревней была очень слабой.

Королевство характеризовалось значительными экономическими, социальными и культурными различиями на региональном и субрегиональном уровнях. Экономика находилась в кризисном положении. На момент объединения страны около 70 % работающего населения было занято в сельском хозяйстве, на которое приходилось около 60 % валового национального продукта [91, с. 819]. В экономически более развитых северных и центральных областях капиталистические отношения начали проникать в отдельные отрасли аграрного сектора - в животноводстве и рисоводстве формируется класс предпринимателей, инвестирующих капитал в развитие собственных предприятий. При незавершенном промышленном

перевороте рассеянная мануфактура господствовала в текстильной промышленности (производство шелка и шерсти, переработка льна и пеньки), фабричное производство смелее распространялось в пищевой и бумажной индустрии. Горнодобывающая промышленность опиралась на ручной труд, что мешало развитию тяжелой индустрии и машиностроению, находившимся в стадии начального развития - немногочисленные заводы не могли составить конкуренцию предприятиям более развитых европейских стран по причине отсталости своего материально-технического оснащения. Тем не менее торговый оборот и валовый объем производства на севере в несколько раз превосходили показатели юга, экономика которого также носила аграрный, но еще более отсталый характер.

Основной формой землевладения в Медзоджорно оставалось крупное помещичье землевладение. Малочисленная прослойка латифундистов имела значительные капиталы, однако землевладельцы часто проживали вдали от владений и не спешили модернизировать свои хозяйства, что тормозило проникновение капитала в деревню. Мелкие наделы не позволяли крестьянам прокормить семью, нужда заставляла их искать подработку в крупных хозяйствах. Этот труд не имел постоянной основы и подразумевал длительные ежедневные перемещения, использование устаревшего инвентаря, а потому имел низкую производительность. Полуфеодальные отношения обрекали крестьян на социально изолированный образ жизни и способствовали разорению мелких собственников, которые пополняли ряды нищих [91, с. 820].

До 1661 г. каждое государство в Италии имело свои законы и собственный бюджет. В процессе унификации не были учтены особенности регионов: на всей территории объединенного королевства было установлено законодательство Пьемонта. Новые территории разделили бремя государственного долга, что привело к усилению налогового давления с одновременной отменой протекционного тарифа, который защищал товары

местного производства от более дешевой продукции с севера и препятствовал проникновению зарубежных товаров на местный рынок. Этот фактор крайне отрицательно сказался на изначально менее конкурентоспособной промышленности Медзоджорно - едва зародившись, она переживает период экономического упадка. Производство текстильной продукции (шерсти и шелка) стало невыгодным, мануфактуры и фабрики начали свертывать производство, оставляя десятки тысяч людей без работы. Другими словами, после объединения страны дисбаланс в развитии производительных сил Севера и Юга лишь усугубился, «неравноправное положение Юга в системе итальянского либерального государства находило выражение не только в его все более явном экономическом отставании, но и в чисто политическом плане» [25, с. 21].

Дефицит бюджета и постоянно растущие затраты (в том числе и на военные нужды) вынудили правительство прибегнуть к введению новых налогов: в 1862 г. в казну стали поступать средства от гербового сбора, налога на наследство, пошлины на потребление соли и др. Рекрутский набор, усилившееся налоговое бремя и перекачка финансов в северные регионы на строительство железных дорог усилили недовольство южного населения, которое и раньше воспринимало северян как захватчиков: в ходе объединения страны крестьяне зачастую по собственной воле выступали на стороне Бурбонов [111, с. 948].

Большую роль в формировании социально-политической обстановки на территории объединенного королевства играло духовенство. Священники были духовными наставниками, в их руках было сосредоточено образование народа, церковь занималась благотворительностью, в результате чего клирики оказывали сильное влияние на сознание масс. Политическая ориентация духовенства диктовалась волей Рима, осознающего исходящую угрозу со стороны нового королевства. Ватикан не желал смириться с неотвратимой потерей власти и привилегий, в результате чего церковь заняла

пробурбонскую позицию - новое правительство повсюду ощущало противодействие церковных институтов. Особенно эффективно велась пропаганда на юге: согласно полученной инструкции от 10 декабря 1860 г., служба в национальной гвардии признавалась незаконной и священники призывали солдат дезертировать при первой возможности [112, с. 307]. В рамках ответных мер кабинет Б. Риасколи обещал суровую расправу с любой попыткой реакции и насаждал чиновников с севера, производя зачистку государственных органов от коррумпированных элементов и приспешников Бурбонов [112, с. 311]. Тем временем в южных областях начинает распространяться «*il brigantaggio*» - организованный разбой. Бывшие солдаты Бурбонов, дезертиры, крестьяне, жители горных районов сбивались в банды и промышляли разбоем во всех регионах Медзоджорно. Восстания начали вспыхивать после плебисцита 21 октября 1860 года, постепенно волна недовольства охватила все южные регионы. Увеличение контингента национальной гвардии летом 1861 года не смогло остановить волну бандитизма, вооруженные отряды нападали на города, уничтожали муниципальные архивы, выпускали узников из тюрем и грабили богатые дома. Столкновения с правительственными войсками становились ожесточенней, бандиты действовали агрессивно, убивая мэров, офицеров национальной гвардии и либеральных деятелей. В захваченных городах провозглашали реставрацию Бурбонов, но почти всегда следом входили правительственные войска и, в случае сопротивления, реагировали жестоко, сжигая населенные пункты и устраивая показательные казни. Расправы способствовали пополнению банд за счет горожан, оставшихся без жилья и средств к существованию, а также обнищавших крестьян и мелких собственников - неграмотные и невежественные простолюдины не могли оценить будущую выгоду от объединения Италии. Они ощущали незамедлительные негативные последствия, выражающиеся в новых налогах, ужесточении старых, ломкой привычного образа жизни. В 1862 году

Королевским указом от 17 августа (№ 764) правительство Раттацци объявило осадное положение на Сицилии, в связи с чем было приостановлено действие конституции, а гражданская власть была подчинена военной [74, с. 81].

В 1863 году правительство М. Мингетти отвергает предложение Луиджи Меранбеа по мирному урегулированию проблемы разбоев и 15 августа принимает закон № 1409 (выдвинутый Джузеппе Пика и носящий его имя) о борьбе с разбойными нападениями, нормы которого предусматривали отправку армии («контингент умиротворения») в южные регионы, передачу всех гражданских полномочий военным трибуналам, приостановление конституционных свобод, депортацию и принудительную ссылку бродяг и подозрительных лиц (на срок не больше года). Наказания варьировались от расстрелов до пожизненных каторжных работ и тюремного заключения [97]. Также был выделен кредит в размере одного миллиона лир для покрытия расходов на пресечение разбоев - значительная цифра, учитывая зарплату батрака на юге, включающую еду и пол-лиры в день [119, с. 22-23]. Закон должен был оставаться в силе до 31 декабря 1863 года, но был продлен четыре раза [74, с. 82]. Закон Пика был призван укрепить целостность государства, но по сути разделил недавно объединенную Италию на две неравноправные части и нарушил гарантированный законом принцип равенства всех итальянских подданных. На юге сложилась взрывоопасная ситуация, центробежные тенденции создавали угрозу для единства страны.

Одновременно итальянская политика объединенного королевства впервые сталкивается с социальными проблемами на общегосударственном уровне, которые нарастают в течение десятилетия. Первая перепись населения 1871 г., выявила, что средняя продолжительность жизни в Италии составляла 33 года, детская смертность - 204 на 1.000 человек; в 1867 году 60 % мужчин и 79 % женщин не могли поставить подпись в акте при бракосочетании, на юге показатель безграмотности достигал 84 % [121, с. 330]. Несмотря на принятый закон о двухлетнем бесплатном образовании,

начальное обучение было недоступно для большей части населения - учебных заведений не хватало, на 10.000 жителей приходилось 13 школ и распределялись они неравномерно, в южных регионах этот показатель был еще ниже [120, с. 31]; за чертой бедности находилось более 40% людей [86, с. 114-116]. Ограниченность в средствах не позволяла государству выработать четкую социальную политику; благотворительностью, попечением больных и неимущих занимались религиозные организации «Opere Pie». Правительство предпринимало попытки взять под контроль деятельность религиозных институтов посредством издания законов, регламентирующих функции и делающих их подотчетными государственным структурам [85, с. 9, 34].

На фоне социального кризиса, политической нестабильности и постоянно растущего бюджетного дефицита, правительство объединенной страны было призвано решать насущные задачи по стандартизации законодательной системы, унификации тарифов и налаживанию налоговой системы; созданию единой валюты и рынка, укреплению армии и флота, созданию органов гражданской администрации, необходимо было развивать пути сообщения, провести реформу образования, решить «проблему Медзоджорно» - пресечь разбой и обеспечить фронт общественных работ для смягчения социальной обстановки. Рабочий вопрос также требовал внимания - организованные формы борьбы пролетариата за собственные права угрожали экономическому процветанию и правительство выбирало силовые решения для подавления рабочей инициативы.

Тяжелые социальные и экономические условия жизни способствовали росту самосознания пролетариата, уже в 40-х годах начинают формироваться рабочие организации, число которых стремительно растет. Многочисленные общества взаимопомощи разных категорий ремесленников и рабочих (*Società di mutuo soccorso*), кредитные кооперативы и сообщества потребления развили организационную деятельность, и, начиная с 1853 г., созываются конгрессы в Сардинском королевстве, а затем в объединенной Италии. На

съездах рабочие обсуждали разные социальные проблемы, уделяя особое внимание вопросу образования и воспитания рабочих.

В 1860 году возникает крупнейшая организация - Генеральная ассоциация взаимопомощи рабочих Милана под почетным председательством Д. Гарибальди; к концу 1861 года она уже насчитывала 2000 человек [114, с. 72]. Сообщество развило активную деятельность не только по оказанию финансовой помощи - ассоциация занималась трудоустройством безработных, в структуру внедрялись потребительские кооперативы, создавались библиотеки и школы. Тогда же вышло в свет первое печатное издание рабочих - «Gazzetta degli Operai italiani».

В начале 1861 года во Флоренции образовывается «la Fratellanza artigiana» (Ремесленное братство), первая статья устава резюмирует программу: «во имя Отечества, человечества и прогресса, ремесленники Италии... вступают в братство, чтобы сотрудничать в целях интеллектуального, морального и материального развития своего класса посредством образования, взаимопомощи и кредита» [114, с. 80]. Братство получило быстрое распространение в Тоскане, продвигаемое мадзинистами-демократами - для успешного осуществления республиканской революции Мадзини нуждался в организованном рабочем движении. Тем не менее он отрицал классовую борьбу и насилие, рассчитывая на прогрессивное улучшение условий жизни и труда рабочих посредством реформ и кооперации, на естественную солидарность неимущих, на растущее самосознание привилегированных классов, которые, по его мнению, спонтанно поддержали бы пролетариат. Межклассовая линия Мадзини вносила раскол в ряды его сторонников и впоследствии вызвала кризис в его «Партии действия».

К концу 1862 г. на территории Италии насчитывалось 443 рабочих организации, их большинство находилось под покровительством местных префектов или даже короля, что ограничивало их деятельность решением

исключительно экономических вопросов [25, с. 33]. Пролетариат трудился в тяжелых условиях, но даже ненормированный рабочий день не гарантировал справедливой оплаты труда. Любые протесты безжалостно подавлялись и социальная напряженность нарастала. Крупные города охватывали беспорядки - пролетариат боролся за повышение зарплаты и уменьшение длительности трудового дня до 12-10 часов путем организации забастовок, однако в ряде случаев повышение зарплаты вновь приводило к увеличению продолжительности рабочего времени. Согласно действующему законодательству, забастовки являлись уголовно наказуемым преступлением, против рабочих использовались силы полиции и армии. К тому же протесты рабочих имели разрозненный и кратковременный характер, обычно они охватывали одно предприятие и после одного-двух дней сопротивления трудящиеся возвращались к работе [25, с. 31].

Из-за растущей дороговизны на товары первой необходимости в 1861 году страну охватывает волна забастовок: в феврале протестуют рабочие арсенала Неаполя, затем бастуют в Кастелламаре-ди-Стабия; на севере - волнения в Турине; в июне в Неаполе останавливаются гончарные мастерские, затем в городе работу прекращают трудящиеся железных дорог. В августе протесты не утихают: рабочие бастуют в Мессине, в Палермо, в Неаполе; стачки сотрясают города северных регионов - Геную, Милан, Флоренцию, Болонью. За подавлением волнений следуют аресты участников протестов. Религиозная печать в очередной раз ведет оппозиционную пропаганду, умело манипулируя настроениями рабочих. В 1863 г. «*Il Conservatore*» пишет: «Вы хотели новый режим? Теперь наслаждайтесь несправедливыми налогами...», «*La Vespa*» открыто обвиняла правительство в желании ухудшить положение простого народа, когда вместо богоугодных заведений открываются тюрьмы, а вместо школ - притоны [120, с. 225].

На съездах рабочих организаций наблюдается отсутствие единства, однако на волне растущего самосознания в марте 1862 года возникает

Общество эмансипации, ратующее за присоединение Рима и Венеции к новообразованному объединенному королевству; вслед за призывом Гарибальди к движению примкнули более прогрессивные пролетарские организации. Правительство, озабоченное ухудшающимся положением в стране и обострением социальной нестабильности, прибегло к репрессивным мерам - декретом от 20 августа 1862 г. «Общество», и примкнувшие к нему организации, были распущены, что нанесло серьезный урон рабочему движению. Однако остановить классовую борьбу силой законов невозможно, Мадзини предпринимает усилия по объединению пролетарских сообществ в Ассоциацию рабочих мадзинистов (*Associazione operaia mazziniana*) с единым уставом, призывает их к легальным формам борьбы за всеобщее избирательное право и справедливую налоговую реформу. На XI конгрессе рабочих сообществ в Неаполе (октябрь 1864 г., то есть позже образования I Интернационала) на обсуждение был вынесен и принят «Акт Братства» (*Atto di fratellanza*), выработанный Мадзини, однако к нему присоединилось всего около 60 организаций - меньше 10 % из существующих на данный момент [119, с. 140]. Это свидетельствует об ослаблении влияния Мадзини на общественную обстановку в Италии.

Рабочее движение постепенно проникает в южные регионы: в 1863-64 гг. из 76 новых сообществ 27 созданы в Медзоджорно, разрастается сеть потребительских кооперативов, зарождается банковская система кредитования труда [119, с. 143]. С созданием единого государства разрозненная борьба пролетариата со временем обретает общенациональный характер - стачечное движение растет и принимает более тщательно продуманную и организованную форму. В 1865 г. страну вновь охватывают рабочие забастовки. Крестьяне устраивают беспорядки из-за фискальной политики: новые налоги на землю, движимое имущество и введение акцизов на товары негативно сказывались на материальном положении беднейших слоев населения и их потребительской способности.

Республиканская партия представляла собой реальную и ведущую оппозиционную силу в стране, но значительную часть республиканцев не устраивала религиозная концепция Мадзини «Бог и народ»: католическая клерикальная пресса вела открытую анти итальянскую пропаганду, светская власть Папы тормозила процесс освобождения страны и являлась объективным препятствием на пути ее объединения; прочно укоренившийся в итальянском обществе позитивизм и развитие науки усугубили кризис католицизма. Многие демократы вынужденно подчинялись религиозной доктрине во благо общей цели, однако натиск материализма проделал брешь в формуле Мадзини, его последователи не видели в ней прогресса - признаки раскола в движении республиканцев наблюдаются уже в середине 50-х годов XIX в. В такой обстановке Михаил Бакунин вклинился в политическую жизнь Италии и воспользовался противоречиями в мадзинистских кругах, выдвинув новые концепции и предложив радикальные методы борьбы, причем именно Мадзини ввел русского революционера в политические круги Италии, именно в рядах мадзинистов и гарибальдийцев Бакунин нашел своих сподвижников, пропагандируя идеи социализма.

Э. Малатеста писал: «Когда Бакунин приехал в Италию, глубокий кризис мучил страну, особенно ту избранную ее часть, которая участвовала в политической жизни не из-за низкого эгоизма авантюристов и карьеристов, а по идеальным соображениям и из-за искренней любви к общему благу. Новое королевство Савойи... не отвечало чаяниям тех, кто раньше и лучше всех продвигал и поддерживал движение (за независимость)» [104, с. 33-34].

Мы пришли к выводу, что в момент появления русского анархиста на политической арене Италии процесс объединения страны не был завершен, вместе с тем правительство было вынуждено решать внутренние проблемы в сложившейся тяжелой политической, социальной и экономической обстановке. С развитием промышленности происходит зарождение класса пролетариата и первые формы классовой борьбы. Оппозиционные лидеры (Д.

Мадзини и Д. Гарибальди) в силу разных причин не смогли объединить разрозненные силы пролетариата, к тому же Мадзини не ставил своей целью возглавить классовую борьбу, являясь ее противником. Отсутствие безусловного лидера в политической сфере открыло Бакунину широкие перспективы для развертывания пропагандистской деятельности в Италии.

Во время «итальянского» периода будут заложены и развиты основы его анархической теории; попытки решения славянского национального вопроса оставлены в прошлом, усилия направлены на подготовку европейской социальной революции. Италия со своей накаленной обстановкой, казалось, была готова стать отправным пунктом. «А электричество все набирается и переполняет атмосферу, - без бури не обойдется» [31, с. 260-261].

2.2 Пропаганда М.А.Бакунина в Италии, итоги кампании против Д. Мадзини

Последний период жизни Михаила Бакунина проходит в эмиграции и характеризуется возвращением в активную революционную борьбу. Бакунин занимался организационной деятельностью, пропагандой и публикацией многочисленных статей и трудов, вел обширную переписку, принимал участие в работе конгрессов различных организаций (Лиги Мира и Свободы и I Интернационала). Наконец, он попытался воплотить свое учение, приняв участие в лионских событиях 1870 года и в осуществлении восстания в Болонье 1874 г. Его взгляды претерпели стремительную эволюцию от республиканско-демократических и панславистских до анархических, в этот период он придает своей концепции окончательную форму.

Для раскрытия темы необходимо понять взаимоотношения двух итальянских оппозиционных лидеров. Мадзини и Гарибальди не выступали единым фронтом: первый ратовал за унитарную и республиканскую

революцию, отодвигая вопрос о независимости Италии на неопределенный срок. Тогда как для Гарибальди первостепенной целью являлось освобождение родины от иностранного гнета любой ценой, он часто шел на компромиссы во имя решения этой задачи. Мадзини невысоко оценивал качества Гарибальди, полагая, что генералу не хватает элементарной подготовки, необходимой для политического лидера. Знания Гарибальди носили бессистемный характер, он не был ни теоретиком, ни аналитиком; часто действовал порывисто и опрометчиво, одновременно поддерживая противоположные политические тенденции. Убежденный республиканец, он не только сражался под знаменами Виктора-Эммануила, но и утверждал, что некоторые народы нуждались во «временной справедливой диктатуре» [17, с. 11]. Эту непоследовательность отмечал Бакунин: «Боюсь, что и сам Гарибальди даст себя обмануть в десятый раз и сделается, в руках, кого знаете, инструментом для обмана народов» [31, с. 272]. Со своей стороны Джузеппе Гарибальди не выносил авторитаризма Мадзини и его методы борьбы, критиковал политическую и социальную программу последнего. Он писал о вреде, который наносил мадзинизм освободительному движению, обвиняя их вождя в неудачах на полях сражений [17, с. 155, 182-184] [90, с. 59]. Гарибальди считал, что лучше понимает чаяния народа, тогда как Мадзини опирается только на интеллектуалов. Периоды их сближения и сплоченной деятельности ради общей цели сменялись волнами антагонизма вплоть до 1971 года. «Наиболее продвинутая молодежь по-прежнему боготворила Мадзини и Гарибальди и хотела видеть в них главных вождей, но становилось все трудней следовать за ними. Потому что перед лицом бурных новых веяний Мадзини ожесточался в своем религиозно-политическом догматизме и отлучал тех, кто не верил в Бога; а Гарибальди, который хотел убедить себя и других в том, что он всегда идет во главе прогресса... в глубине души ничего не понимал», - считал Малатеста [105, с. 11]. Сложные взаимоотношения и отсутствие общей программы мешали

объединению прогрессивных сил под единым знаменем. При этом молодежь оставалась открытой для восприятия новых революционных веяний.

Находясь в изгнании, Мадзини был лишен возможности прямого участия в политической жизни и, возможно эта удаленность не позволяла ему прочувствовать общественные настроения и подвергнуть корректировке идеологические установки в соответствии с запросами времени. Влияние Мадзини на рабочие организации начинает ослабевать, а внутри самой «Партии действия» назревает кризис, усиливаются радикальные настроения. Члены движения все чаще выдвигают требования свободы - «свободы во всем и для всех» [75, с. 244].

В январе 1864 г. Бакунин прибывает в Италию и останавливается во Флоренции. Столица была центром напряженной политической и культурной жизни, куда стягивались представители интеллектуальной среды и политической оппозиции из разных стран. Бакунин посещал салоны, в которых вращались не только итальянцы, но и венгры, поляки, русские. Широкий круг общения обеспечивал успех в поиске потенциальных сторонников, в том числе среди приверженцев Д. Мадзини и Д. Гарибальди. В сложившихся условиях Михаил Александрович выбрал метод конспиративной борьбы и направил усилия на создание во Флоренции секретного общества «Союз социальной демократии» (*Alleanza della democrazia sociale*) или «Братство». По словам Бакунина, оно возникло «как утверждение социализма против религиозно-политического догматизма Маццини, союз поставил в своей программе атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти...» [30, с. 68]. Программа содержала 12 статей, предусматривающих отказ от всякой националистической пропаганды, свободу личности и равные политические права, отмену всех привилегий, упразднение текущего государственного права, передачу земли крестьянам и орудий труда рабочим. Обладая талантом пропагандиста, Бакунин легко завязывал знакомства, он «рожден был миссионером, пропагандистом,

священнослужителем» [21, с. 353]. А. Де-Губернатис свидетельствовал о силе воздействия личности Бакунина: «Великий змий окружил меня с этой минуты фатальными кольцами; я немного противился еще, но наконец объявил, что если пойдет дело на социальную революцию непосредственную, то я вступлю в тайное общество» [31, с. 92].

Ю.М. Стеклов не раз упоминает об излишней страсти Бакунина к шифрам и тайным обществам. Вагнер писал в мемуарах: «Можно было подумать, что Бакунин является центром универсальной конспирации» [16, с. 73]. Будущий анархист действительно считал подобную организационную форму наиболее эффективной. Ситуация в стране также не позволяла работать открыто: в период становления национального государства в обществе доминировали националистические идеи, сопровождающие волну патриотического подъема. Д. Мадзини повторял: «Вам, сыновья Италии, Бог как бы оказал предпочтение, назначив Отечество, границы которого легче всего определить в Европе», «Родина должна быть вашим Храмом» [110, с. 69-74]. Осуществляемый полицейский надзор за оппозицией тоже ограничивал возможности работы в более широком и открытом формате.

Бакунин иногда пренебрегал правилами конспирации, из-за чего в прошлом пострадало несколько человек: «Письма Бакунина, конечно, вскрывались на почте... Грустно признаться, что не один Н-ов пострадал от неосторожности Бакунина. Последний в письмах имел какую-то чисто детскую невоздержанность на язык» [71, с. 314]. Н.М. Пирумова предположила, что Бакунин во Флоренции не столько занимался пропагандой, сколько учился конспирации и осваивал опыт мадзинистов и масонов [48, с. 227]. Как бы то ни было, Бакунин не добился каких-либо практических успехов и вскоре уехал из Флоренции.

Осенью 1864 г. в Лондоне Бакунин встречается с К. Марксом, их беседа имела важные последствия - для борьбы с влиянием Д. Мадзини в Италии было принято решение о совместных действиях. Мадзини открыто выступал

против социализма, который «предлагал ложные решения проблем и лишь бессмысленно тревожил народные массы» [119, с. 208]. Итальянский политик не мог примириться с идеологией, отвергающей Бога, отрицающей частную собственность и посягающей на столпы государственного устройства, он употреблял все свое влияние, чтобы помешать распространению «крамольных» социалистических идей. Следовательно, для продвижения Интернационала было необходимо развалить фронт республиканцев. Таким образом, общая цель вынудила Маркса и Бакунина перешагнуть через личную неприязнь и пойти на сотрудничество, о чем свидетельствует письмо Михаила Александровича от 7 июля 1865 года [79, с. 264].

Дискуссионным вопросом является оценка деятельности Бакунина в Неаполе: как отечественные, так и западные исследователи не всегда уделяли достаточно внимания его роли в развитии раннего социализма в Италии. М. Неттлау и Н. Росселли, основываясь на свидетельствах современников, в своих трудах признавали влияние Бакунина и его социальной программы на формирование социалистических идей в Италии, которые с момента становления имели анархические черты.

Но уже в середине прошлого века А. Романо посчитал эти выводы необоснованными и выдвинул свои тезисы, в которых личность Бакунина выглядела малозначительной, идеи были заимствованы у К. Пизаканэ и сам Бакунин действовал под влиянием неаполитанских радикальных кругов [118, с. 265]. И.В. Григорьева в монографии «Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала» поддерживает выводы Романо и почти полностью выпускает личность Бакунина из контекста рабочего движения. Тем не менее ряд исследователей (П.К.Мазини, А. Широко, Т.Р. Равиндраназан) привели убедительные контраргументы, которые совпадают с выводами Неттлау и Росселли.

Бакунин перебирается в Неаполь весной 1865 г. В силу некоторых обстоятельств, сложившаяся обстановка в Медзоджорно была более

благоприятной для революционной деятельности. В тот период Бакунин еще полагал, что революционный подъем начнется среди беднейших слоев населения - крестьянства в первую очередь, в котором он видел движущую силу революции. Общая экономическая ситуация на юге по-прежнему оставалась критической, крестьянство страдало от безземелья: «Условия в Калабрии стали неуклонно хуже, чем в 1864 году. И это также верно для Апулии и Базиликаты, Абруцци и Марки, Сицилии и Сардинии. Горстка помещиков владеет землями, которые не охватить взглядом, а у громадной массы крестьян вообще нет земли» [87, с. 32-34]. В связи с чем среди южан росло недовольство действиями правительства. Население пыталось сопротивляться новым законам, уклоняясь от уплаты налогов и рекрутских наборов. В ответ правительство проводило репрессивную политику.

Для «охраны» территорий в южных регионах по распоряжению Министерства внутренних дел создавались смешанные отряды, состоящие из карабинеров, национальной гвардии и добровольцев. Также применялись карательные меры в превентивных целях. Закон Пика, принятый в августе 1863 г., наделял префектов широкими полномочиями: специально созданные комиссии составляли списки людей, подозреваемых в разбойничестве. Все они подлежали депортации и ссылке на принудительное место жительства (*abitazione coatto*), в основном на сицилийские острова: Устику, Липари, Пантеллерию, Фавиньяну, Лампедузу [74, с. 83] [93, с. 116]. После пролонгаций закона Пика, 7 февраля 1864 правительство М. Мингетти принимает закон № 1661 (закон Перуцци). Новая норма предусматривала увеличение срока ссылки до двух лет [74, с. 83]. Репрессивные методы привели к снижению уровня разбоя, тем не менее разрозненные группы бандитов продолжали действовать в отдельных местностях, включая острова, а ненависть народа к северному правительству нарастала.

Политическая оппозиция игнорировала проблемы безземельных батраков, издольщиков и беднейших крестьян. Мадзини считал, что «на

данный момент нечего делать в деревне; революция должна быть сделана в первую очередь исключительно в городах; после ее завершения мы займемся и деревней!» [119, с. 202]. Равнодушие к социальным проблемам негативно отражалось на настроениях республиканцев в Медзоджорно, общее разочарование охватывало все слои общества, что выражалось в более слабой поддержке платформы Д. Мадзини и одновременно готовило почву для проникновения альтернативных идей. Радикально настроенная молодежь представляла собой разобщенную группу без единой доктрины. Приезд Бакунина означал появление лидера, способного канализировать их настроения, наполнить новым содержанием идеологию и придать организационную форму разрозненным силам.

М. Бакунин стремительно вливается в политическую жизнь Неаполя. Под псевдонимом он публикует ряд статей в мадзинистской газете «Il Popolo d'Italia» на моральные и этические темы. Он придерживает критику Мадзини и Гарибальди, связанный необходимостью считаться с авторитетом двух лидеров, чтобы обрести доверие в среде их последователей.

Бакунин устанавливает связи с местными радикалами, все они были республиканцами и участвовали в борьбе за объединение Италии: депутаты парламента инженер Джузеппе Фанелли и врач Саверио Фришиа; адвокат Карло Гамбуцци; Карло Милети и его брат Раффаэле - бывший священник и редактор газеты; журналист Себастьяно ди Лукка и другие. Эти люди были горячими патриотами, однако невнятная программа Мадзини и ожидание долгих конституционных реформ на фоне ухудшающегося социально-экономических жизненных условий не могли удовлетворить революционеров, закаленных в войнах и ссылках. Бывшие гарибальдийцы и мадзинисты станут ближайшими учениками и соратниками Бакунина, который тем временем продолжает изучать ситуацию в Италии и занимается теоретическими разработками.

В 1865 году Мадзини, обеспокоенный ситуацией на юге, решил усилить свое влияние в Медзоджорно: в письме от 2 декабря он сообщил о намерении создать «Республиканский Альянс» (l'Alleanza repubblicana) с целью подготовки республиканской революции [119, с. 203]. Организация начала действовать в 1866 году, что являлось дополнительным препятствием для распространения бакунинской пропаганды.

Русский анархист действовал осторожно, стараясь не привлекать внимания полиции («реакция здесь растет не по дням, а по часам... [31, с. 266]); он постепенно и с большим тактом распространял свои идеи среди учеников, которые до конца не избавились от почитания Мадзини и Гарибальди. Попытки возродить тайное братство привели к созданию ячеек на юге, о чем с преувеличенным энтузиазмом Михаил Александрович сообщает в письме: «Особенную борьбу приходилось мне выдержать против так называемых национальных страстей и идей, против отвратительнейшей патриотической буржуазной риторики, раздуваемой весьма сильно Мадзини и Гарибальди. После трехгодовой трудной работы я добился положительных результатов... В южной Италии большая часть Мадзиновских организаций, Falangia Sacra перешла в наши руки» [31, с. 278].

На Сицилии организационную работу вел С. Фришиа. Д. Фанелли, пользуясь депутатским мандатом, перемещался по стране с пропагандистскими целями. Популяризации идей Бакунина и координации звеньев тайного общества способствовало создание печатного органа - в октябре 1866 г. вышла первая часть брошюры «Situazione italiana» [114, с. 176-201]. Статья делала разбор сложившейся политической ситуации на полуострове, условий жизни итальянского народа, врагами которого являлись Церковь, централистское государство и социальные привилегии. Бакунин впервые рассуждает об ошибках и заблуждениях Гарибальди, которые привели к тяжелым последствиям: становление монархического строя, усиление гнета и ухудшение социально-экономического положения трудового

народа. Бакунин открыто атакует позиции Мадзини, который «всегда хотел, чтобы народ был для Италии, а не Италия для народа» [114, с. 186]. Он подводит к мысли, что мирное сосуществование классов невозможно - интересы рабочих и крестьян противоположны интересам буржуазии и борьба классов неизбежна. Эта новая идея заставляла молодых республиканцев критически подойти к реформистскому социализму Мадзини, который сводится «к великой иллюзии для рабочих и к великому спокойствию для буржуа» в стремлении сохранить социальный строй с патриархальными ценностями [8, с. 205].

После присоединения Венето отношения в рядах оппозиции вновь обостряются, что фиксируется на женевском конгрессе Лиги Мира и свободы 1867 года. Д. Гарибальди принял участие в работе съезда, тогда как Д. Мадзини заявил, что призыв к миру «не предотвратит войну королей, которая расчленил и разрушит силы, порождающие войны народов», а после окончания конгресса назвал произнесенные речи глупой женевской болтовней [109, с. 31]. Поражение при Ментане в 1867 году вызвало волну полемики, Гарибальди открыто обвинял мадзинистов в пособничестве врагу, что существенно ослабило влияние их лидера и одновременно положительно отразилось на эффективности пропаганды бакунистов [17, с. 338-341].

В начале того же года в Неаполе возник кружок «Libertà e Giustizia» («Свобода и справедливость»), продвигаемый русским анархистом. Созданный комитет, в который вошли С. Фришиа, К. Милети, Гамбуцци, Р. Милети, С. Капоруссо, использовал предвыборную борьбу в Палату депутатов для агитации. Манифест и программа общества отражали идеи Бакунина, изложенные в «Революционном Катехизисе» [10] [114, с. 213-222]. В августе налажен еженедельный выпуск газеты «Libertà e Giustizia» - второй выпуск, содержащий критику Мадзини, впечатлил К. Маркса, который видел за этими нападками руку Бакунина [114, с. 229]. Анархист признавал, что действительно опубликовал несколько статей в газете [114, с. 239].

Кризис все больше разъедал республиканское движение. Страх социальных потрясений заставлял Мадзини «лабиринтировать» между пролетариатом и буржуазией - с одной стороны он искал широкой поддержки в рабочей среде, а с другой - хотел вовлечь мелких буржуа в ряды республиканской партии. Однако его идеи о сотрудничестве классов не соответствовали реальной ситуации в стране. В 1868 году из-за ужесточения налоговой политики волна крестьянских протестов захлестнула Италию. Часть молодых республиканцев, вопреки установкам своего лидера, присоединилась к бунтующим беднякам, что усилило разногласия в партии. Кульминация кризиса наступила в 1872 г.: Мадзини часто публиковал разгромные статьи об Интернационале, однако серьезный промах он совершил, выступив против Парижской коммуны. Газета «La Roma del Popolo» опубликовала серию его статей с осуждением действий французских рабочих; статьи прямо или косвенно затрагивали события во Франции и прогнозировали разрушительные последствия для Италии. Бакунин не замедлил воспользоваться ситуацией и первым обрушил свой удар, опубликовав в миланской газете «Gazzettino rosa» рукопись «Ответ Мадзини». Статья вызвала широкий резонанс в обществе: молодые мадзинисты считали, что их лидер предал дело революции.

Положение усугубил Гарибальди, вернувшийся в Капреру после военных действий во Франции. Он с сочувствием и восхищением наблюдал за отчаянным сопротивлением парижан, пытающихся выстоять против Пруссии и Версаля. «То, что побуждает парижан к войне - это чувство справедливости и человеческого достоинства», - писал он [119, с. 319]. Генерал не занимался анализом программных документов, по зову сердца он публично поддержал коммуну и выступил с защитой Интернационала и социалистических принципов. Это означало безвозвратный разрыв с Мадзини. Реакция Гарибальди окончательно расколола демократические круги Италии и негативно отразилась на авторитете «маэстро», который

горько констатировал: «Гарибальди не поддержал бы Интернационал, если бы я высказался в поддержку последнего» [25, с. 151].

Ряды республиканцев стремительно таяли еще по одной причине: историческая миссия объединения Италии свершилась и после присоединения Рима в 1870 г. на первый план вышли социальные проблемы. Представители правого крыла республиканской партии, напуганные событиями Парижской коммуны (чему способствовал и сам Мадзини, разжигая полемику в прессе), склонялись в пользу монархии. Тогда как прогрессивная часть молодежи, о которой так много пишет Бакунин в тот период, нашла в себе решимость отвергнуть доктрину мадзинистов и приступить к активной политической борьбе. Это означало тактическое поражение мадзинистского фронта. Бакунин дискредитировал концепцию Мадзини «Бог и народ», предложил взамен свой путь через социальную революцию, носящую европейский, а не национальный характер. Среди покинувших ряды мадзинистов был Эррико Малатеста, будущий идеолог анархического движения Италии: «Я видел, что республика была управляема также или хуже других, и что в республике, как и в монархии, есть нищета и несправедливость, и что народ расстреливают, когда он пытается сбросить ярмо» [102, с 57].

В 1867 г. делегация из Неаполя (Гамбуцци, Фанелли, Туччи и Фришиа) вместе с Бакуниным принимает участие в конгрессе «Лиги Мира и свободы», но уже в 1868 г. Бакунин «разделил» силы - Фришиа отправляется на конгресс «Интернационала» в Брюссель, а сам Бакунин едет на конгресс «Лиги Мира». Международный опыт сотрудничества в рамках более открытых организаций несколько изменил концептуальный взгляд Бакунина, он осознал масштаб их возможностей по сравнению с конспиративными обществами. Итальянцы реализовывали приобретенный опыт, направив усилия на создание секций Интернационала: С. Фришиа работал на Сицилии,

Д. Фанелли отправился в Испанию. Бакунин остался в Швейцарии, поддерживая тесные связи со своими соратниками.

В 1869 г. по инициативе руководителей кружка «Libertà e Giustizia» в Неаполе возникла первая официально признанная итальянская ячейка Интернационала. К февралю 1870 г. в ней состояло 3.510 членов [122, с. 60]. Полиция несколько раз распускала секцию, руководители и участники интернационального движения неоднократно подвергались арестам и судебным преследованиям. Подобные действия привлекали внимание прессы и вызывали сочувственную реакцию общественности. Во всех городах Италии стремительно росло число рабочих организаций: в 1871 г. обеспокоенная консервативная пресса сообщала, что членами этой «ужасной ассоциации (Интернационала), которая порождает вспышки будущих революций» являлись от трех до пяти миллионов итальянских пролетариев [119, с. 322-323]. Эти цифры в сотню раз преувеличивали численность интернационалистов (к 1874 г. их число составляло 26.704 чел. [88, с. 105]), однако свидетельствовали о неизбежности социальных перемен [109, с. 84].

Широкий размах рабочего движения привлек внимание Лондонского совета, Энгельс пишет: «Движение в духе Интернационала началось в Италии так внезапно и неожиданно, что там все находится еще в очень неорганизованном состоянии» [44, с. 272]. Выполняя функции секретаря для Италии, Ф. Энгельс в мае 1871 г. отправил эмиссара для организационной работы - молодого богатого интеллектуала Карло Кафьеро. Первые новости внушали оптимизм в Генеральном совете: «В Италии у нас теперь множество органов... переписка ведется настолько оживленная, что задает мне чертовски много работы», - пишет Энгельс [44, с. 262]. Хорошие новости вызывали воодушевление у секретаря для Италии: «Мы рады были узнать, что у вас не существует секты бакунистов. Мы были вынуждены думать обратное, потому что швейцарские бакунисты всегда утверждали, что она существовала» [44, с. 219]. Однако несколько месяцев спустя он вынужден признать: «в Италии

дело обстоит так, что бакунисты являются там пока хозяевами положения в Интернационале» [44, с. 331].

Болезненная реакция Генерального совета была спровоцирована назревающим конфликтом внутри «Интернационала» между бакунистами и руководством организации. В этот период он обрел конкретную форму: идейное содержание исключало возможность примирения сторон - решением Гаагского конгресса в сентябре 1872 г. Бакунин был исключен из Первого Интернационала. Конфронтация вынудила национальные федерации занять позицию по отношению к враждующим сторонам, в конечном итоге внутренняя борьба привела к расколу Международного товарищества рабочих и к усилению позиций Бакунина в Италии.

К этому времени в Болонье уже состоялся региональный конгресс Интернационала (17-19 марта 1872 г.), в работе которого приняли участие представители четырнадцати эмилианских секций. После обсуждения конфликта между Марксом и Бакуниным, делегаты постановили следовать антиавторитарной программе русского анархиста.

В мае 1872 г. эмиссар Генерального совета К. Кафьеро встречается с М. Бакуниным. Это знакомство перевернуло сознание молодого итальянца, который безоговорочно принимает позицию бакунистов и переходит на анархическую платформу. В лице Карло Кафьеро интернационалисты обрели ключевого союзника и дополнительный источник финансирования.

К августу у Генерального совета не осталось иллюзий по поводу сложившейся ситуации: «Во всей Италии мы знаем только одну хорошую секцию - Туринскую, может быть еще Феррарскую. Милан... полностью в руках бакунистов, в Неаполе так было всегда, а «рабочие союзы» в Эмилии, Романье и Тоскане также целиком в руках Бакунина» [44, с. 429].

Связь с югом поддерживалась через Д. Фанелли, где активно работали К. Гамбуцци и С. Фришиа; в Милане Кафьеро налаживал сотрудничество с кружками, в Мирандоле Ч. Черетти выступал посредником между Бакуниным

и гарибальдийцами; в Эмилии и Романье также действовали Э. Пескаторе и Л. Набруцци. Роль связующего звена взял на себя К. Кафьеро, который в качестве эмиссара Бакунина передвигался по стране [108, с. 74, 83].

Первая национальная Конференция итальянских секций Интернационала в Римини, состоявшаяся с 4 по 6 августа 1872 г., собрала делегатов от 21 ячейки. Съезд единогласно выступил за Бакунина и антиавторитарный Интернационал: «конференция торжественно объявляет трудящимся всего мира, что... Итальянская федерация Международного Товарищества Рабочих снимает с себя всякую солидарность с Генеральным Советом в Лондоне» [53, с. 527]. Конференция закрылась приветствием в адрес Михаила Бакунина, «неутомимого борца социальной революции» [119, с. 460]. Итоговую декларацию подписали президент бывший эмиссар Ф. Энгельса - Кафьеро, и секретарь Андреа Коста - пылкий и бескомпромиссный оратор, талантливый организатор, состоявший в имольской секции Интернационала. Конференция в Римини объединила итальянские секции Международного Товарищества рабочих в единую Федерацию и заложила основу организованного анархистского движения в Италии. Э. Малатеста, К. Кафьеро и А. Коста под руководством Бакунина были призваны возглавить революцию в стране [Приложение Д]. Эти три революционера окажут существенное влияние на эволюцию общественной мысли в Италии и развитие политических движений.

Мы можем заключить, что во время «итальянского» периода окончательно сформировалась анархическая концепция Бакунина, изложенная в трудах «Организация», «Программа итальянской социально-демократической революции» и «Революционный катехизис». Бакунин утвердился в политических кругах Италии, воспользовавшись разобщенностью в кругах оппозиции. Он собрал вокруг себя ядро единомышленников из числа мадзинистов и гарибальдийцев, предложил им радикальные методы борьбы и новую модель социального устройства

общества. Фанелли, Фришиа, Гамбуции и др. сыграли значительную роль в популяризации идей Бакунина. Выход на международные организации предопределил переход классовой борьбы на новый качественный уровень. Под руководством и влиянием Бакунина возникла первая секция Интернационала в Неаполе, а затем и в других центрах. Идеинный конфликт бакунистов с руководством I Интернационала вынудил итальянские секции определиться с выбором позиции и выступить в защиту анархиста. Таким образом, Бакунин упрочил свое положение в Италии. Распространение его учения придало развивающемуся рабочему движению ярко выраженный социалистический и анархический характер, предопределило формы классовой борьбы и в конечном итоге привело к зарождению идейного анархизма в стране.

2.3 Восстание в Болонье и его последствия

После конференции в Римини А. Коста занял ключевую должность секретаря Комиссии по корреспонденции Итальянской федерации Интернационала. В результате его кропотливой работы с регионами по всей стране возникают новые секции Интернационала, как в крупных городах, так и в небольших центрах: в Венеции, Модене, Анконе, Парме, Риме, Палермо, Таранто и др. К концу 1872 г. к Итальянской федерации примкнуло больше 100 рабочих организаций [77, с. 82], в 1874 г. в ее состав входило 10 региональных федераций, включающих 129 секций [88, с. 105]. Романьольская федерация была одной из самых многочисленных, здесь удалось организовать две женских секции с особыми правилами; членов этих секций называли «*rétroleur*» - революционные поджигательницы [80, с.32].

Во время проведения II национального конгресса в марте 1873 г. были арестованы почти все лидеры интернационалистов, включая Косту, Малатесту и Кафьеро. Тем не менее конгресс продолжил свою работу и в

итоге одобрил резолюцию, в которой четко прописан атеистический, материалистический, федералистский и анархистский характер Федерации. Съезды региональных федераций подтвердили эту резолюцию [109, с. 80]. По словам Э. Малатесты, Интернационал в Италии родился «социалистическим, анархистским, революционным и, следовательно, антипарламентским» [105, с. 15]. Большой вклад в популяризацию движения внесла периодическая печать: «Il Comunardo» (Фано), «Il Risveglio» (Сиена), «Miserabile» (Парма), «La Giustizia» (Джирдженти), «Povero» (Палерма), «L'Avvenire Sociale» (Пьяченца), «Campana» (Неаполь) [Приложение Е] (Рисунок Е. 1). В Лоди продолжает публиковаться «La Plebe» [109, с. 81].

Министр внутренних дел Кантелли проводил жесткую репрессивную политику в отношении интернационалистов - секции распускались; изымались тиражи газет, на редакторов налагались штрафы и тюремные заключения. Руководители и участники движения находились под постоянным наблюдением и подвергались арестам. «Мы часто попадали в тюрьму, но выходили оттуда с большим воодушевлением, чем раньше: преследования лишь разжигали наш энтузиазм», - вспоминал Э. Малатеста [104, с. 44]. Преследования вынудили Комиссию по корреспонденции в 1873 г. переместиться из Имолы в Болонью, а затем во Флоренцию [77, с. 95-96]. Интернационал вынужденно уходит в подполье и с декабря не предпринимает никаких публичных действий, вместо него по инициативе представителей «молодого» поколения бакунистов был основан нелегальный Итальянский Комитет Социальной революции (CIRS). Исходя из сложившейся социальной и политической ситуации в стране, в конце 1873 года было принято решение приступить к «социальной ликвидации».

Италию постоянно сотрясали социальные волнения. В 1868 г. итальянское правительство стремилось поправить истощенный бюджет, утвердив непопулярный налог на помол. Этот прогрессивный налог взимался с потребления хлеба, основного продукта питания неимущих. Специальные

счетчики, изготовленные за границей, регистрировали число оборотов мельничных жерновов, крестьянин выплачивал сумму в зависимости от количества перемолотого зерна или бобовых культур. Ужесточение налогов и рекрутские наборы усилили недовольство мелких землевладельцев, арендаторов и издольщиков, а неурожайный год подстегнул их к действию. По всей Италии прокатывается волна протестов, наибольшей интенсивности беспорядки достигли в Эмилии: в Сан-Джованни-ин-Персичето (Болонья) две тысячи крестьян вторглись в государственные учреждения, сожгли документы и разграбили богатые дома [119, с. 252]. Разгневанный народ напал на мельницы, крушил муниципалитеты, уничтожал архивы [94]. Повстанцы формировали настоящие банды, против которых выступали карабинеры и правительственные войска. Мадзини не пытался воспользоваться ситуацией - он относился к крестьянству, как к реакционному элементу, несовместимому с республиканскими идеями [83, с. 70]. В своих письмах он настоятельно рекомендовал не участвовать в беспорядках, а попытаться их остановить [119, с. 262-263]. Однако некоторые молодые мадзинисты присоединились к протестам крестьян: братья Манини организовали банду в окрестностях Реджо, отбирали выручку у мельников и раздавали деньги неимущим.

В результате беспорядков в регионе погибло 34 крестьянина, 55 ранено, 1.855 повстанцев подверглись судебному преследованию. В начале января 1869 г. правительство установило чрезвычайное положение в провинциях Пармы, Реджо-Эмилии и Болоньи, объявив эти города на осадном положении. Генерал Раффаэле Кадорна, подавивший восстание 1866 г. в Палермо, получил полные полномочия для урегулирования ситуации силовыми методами [83, с. 68]. В целом по всей Италии было убито 257 человек, более тысячи получили ранения и 3.788 человек арестовано [83, с. 47].

М.А. Бакунин наблюдал за развитием ситуации из Швейцарии. Волнения не затронули крупные города, городские рабочие не

присоединились к протестам. Это подтверждало теорию, согласно которой крестьянство шло в авангарде революции. Но Бакунин приходит к выводу, что без рабочего класса социальную революцию реализовать невозможно: «Итальянская крестьянская масса, - пишет он в 1871 г., - составляет уже огромную и всемогущую армию для вашей социальной революции. Руководимая городским пролетариатом и организованная революционной социалистической молодежью, эта армия будет непобедима» [8, с. 200].

В 1873-74 гг. в Италии вновь разразился экономический кризис. Незавершенный переход к индустриальному типу производства тормозил развитие экономики. Правительству не удалось стабилизировать бюджет, эмиссия бумажных денег провоцировала рост инфляции [116, с. 82]. Ситуация усугублялась безудержным повышением цен на продовольственные товары из-за скудных урожаев за последние два года. Положение простого народа продолжало ухудшаться, массовые протесты в очередной раз охватили страну. По официальным данным, количество забастовок перевалило за сотню, увеличившись в полтора раза по сравнению с прошлым годом [25, с. 260]. В течение 1873 г. волнениями были охвачены области Тосканы, Лацио и Кампании, чтобы затем переместиться в Эмилию-Романью. Даже женщины и дети протестовали против цен на продукты, грабили пекарни, хлебные лавки и нападали на поезда, груженные пшеницей.

Неурожай 1874 г. усугубил тяжелое положение простолюдинов. Нехватка продовольствия вызывала народные волнения. Трудящиеся бастовали во Флоренции и Риме; в Мантуе прекратили работу каменщики и кузнецы. Серьезные беспорядки произошли в Кремоне, Парме, Падуе, Форли, Римини, Прато, Чезене, Пизе, Ареццо, Ливорно, Болонье и мн. других городах [106, с. 29] [109, с. 86]. В родном городе А. Косты городские власти закрыли кооперативную кухню, снабжавшую бедняков хлебом и едой по низким ценам. Голодный люд в ответ приступил к погромам и грабежам пекарен и хлебных лавок. Полиция произвела серию арестов; среди

задержанных и осужденных были матери, вынужденные отбывать срок тюремного заключения вместе со своими малолетними детьми [117].

Наблюдая за развитием кризиса, Бакунин, Коста и Кафьеро осенью 1873 г. решили, что в стране сложилась революционная ситуация. «Да, может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии... В Италии весь народ ожидает социального переворота и сознательно стремится к нему. Можно себе представить, как широко, как искренно и как страстно была принята и принимается поныне итальянским пролетариатом программа Интернационала», - писал Бакунин [4, с. 60-61]. Он был убежден, что революционный потенциал Италии проистекает из ее экономической и социальной отсталости; при несуществующей прослойке буржуазного пролетариата движущей силой революции являлся «нищенский» рабочий класс.

Политические репрессии загнали интернационалистов в подполье, что являлось дополнительным аргументом в пользу вооруженного восстания. Интернационалист Ф. Пецци рассказывал, что, социалисты устали от постоянных преследований и захотели выразить свой протест вооруженным восстанием [114, с. 113].

Подготовка к «социальной ликвидации» проходила в Швейцарии. В августе 1873 года К. Кафьеро, освободившись из тюрьмы, приобрел на имя Бакунина виллу «Бароната». Л. Дейч, цитируя К. Кафьеро, пишет, что Михаил Александрович задумал купить виллу на юге Швейцарии и «провести из нее подземный ход в Италию», через который мог бы пройти небольшой вооруженный отряд для «возбуждения восстания» [28, с. 63], но даже учитывая страсть Бакунина к конспирации и секретным организациям, в подобный авантюрный план трудно поверить. Приобретение недвижимости диктовалось практической необходимостью – местоположение было удобным «как для собраний, так и для убежища преследуемых полицией революционеров», Бакунин мечтал устроить на вилле типографию и

оборудовать склад оружия [35, с. 179] [27, с. 96]. Покупка дома давала передышку Михаилу Алексеевичу, чьи финансовые дела были, как всегда, в плачевном состоянии, а также обеспечивала статус уважаемого буржуа, ограждая анархиста от преследований полиции. На обустройство виллы и реализацию революции были израсходованы остатки наследства К. Кафьеро.

На протяжении 1873 г. разработкой планов восстания в основном занимались Бакунин, А. Коста и К. Кафьеро; Э. Малатеста вел организационную работу в Медзоджорно, но был арестован [108, с. 124-125] [115, с. 110-111]. Необходимо прояснить, что итальянские интернационалисты не стремились к захвату и удержанию власти - этим отличалась концепция социальной революции от революции политической с ее централизованной организацией, военными формированиями и жесткой идеологической подчиненностью. Социальная революция, или «социальная ликвидация» задумывалась как широкое движение с разнообразным арсеналом средств борьбы. «Мы должны беспрестанно делать попытки восстания. Пусть нас разобьют один, два раза, наконец - десять и двадцать раз, но если на двадцать первый раз народ поддержит, и восстание делается всеобщим, жертвы окупятся», - говорил Бакунин [27, с. 96-97]. Эта мысль легла в основу тактики итальянских анархистов «пропаганды действием».

Бакунисты ратовали за освобождение пролетариата от их наемного положения и подчинения капиталу, за организацию коллективного труда на федеративных основах между муниципалитетами и производственными ассоциациями трудящихся. «Мы, уже убежденные анархисты, хотели свергнуть существующее правительство, не допустить формирования нового и позволить освободившимся от давления армии и полиции массам завладеть богатством, чтобы самим организовать новую общественную жизнь», - вспоминал Э. Малатеста [105, с. 19].

Кафьеро поддерживал идею воздержания Бакунина от любой общественной деятельности, чтобы создать видимость усталого и

разочарованного революционера, вернувшегося к частной жизни, но на деле «оставаться активным секретным центром перманентной интернациональной конспирации» [108, с. 131]. В сентябре 1873 г. Бакунин через газеты объявляет о прекращении революционной борьбы [92, с. 232-238]. Между тем подготовка к восстанию продолжалась. На виллу часто наведывались «Коста, Малатеста и другие итальянцы. Бакунин, конечно, принимал самое горячее участие во всем этом деле» [54, с. 207].

В январе 1874 г. началась пропаганда среди населения, первый бюллетень под редакцией А. Косты выражал протест против реакции и содержал программу революционеров: уничтожение государства во всех проявлениях; упразднение армии, полиции и банков, передача в руки трудящихся сырья и средств производства. Коста писал, что «время мирной пропаганды революционных идей ушло, на смену грядет громкая, торжественная пропаганда восстания и баррикад» [109, с. 85]. В феврале 1874 г. Бакунин, Коста и Ф. Натта в Лугано обсудили планы восстания с тремя ветеранами Парижской коммуны. Командование принял на себя А. Коста [116, с. 86]. Э. Малатеста, которого в январе выпустили на свободу, должен был организовать движение в Медзоджорно.

Чельсо Черетти и Франческо Пецци, близкие к гарибальдийскому и мадзинистскому окружению, стремились склонить к сотрудничеству с интернационалистами Д. Гарибальди и руководство республиканской партии. Усилиям Черетти и Пецци препятствовала непримиримая позиция А. Косты. В мартовском воззвании CIRS Коста подверг резкой критике идеологию республиканцев и гарибальдийский социализм, призывая трудящихся не слушать советов генерала [106, с. 29]. Тем не менее Гарибальди позволил себя убедить и пообещал в случае успеха поддержать инсургентов [66, с. 360] [109, с. 87]. Манифест взывал к действию: «мир, который давит нас - мы должны свергнуть его; это общество, которое отвергает нас - мы должны уничтожить его!» [109, с. 86]. Слова бюллетеня были подхвачены и

распространены левыми печатными изданиями: «Il Petrolio» (Феррара), «Il Sempre Avanti!» (Ливорно), «Il Ladro primo» (Флоренция), «Il Romagnolo» (Равенна) [109, с. 86].

На средства К. Кафьеро весной 1874 г. были приобретены 254 ружья и 12 револьверов [108, с. 125-126]. Коста координировал все движение, перемещаясь по всей стране в стремлении связать секции Интернационала в единый боевой организм, готовый взяться за оружие по первому призыву. Малатеста действовал на юге. Кафьеро вынужденно отсутствовал в последний подготовительный период, что сказалось на финансовой стороне вопроса и привело к задержке в подготовке восстания.

13 июля К. Кафьеро приехал в Швейцарию со значительной суммой денег, предназначенной для покупки боеприпасов и оружия. Начались последние судорожные приготовления, которые совпали с кризисом на «Баронате». Имение разорило Кафьеро и он обвинял в этом Бакунина. Испорченные личные отношения не помешали реализации планов. А. Росс (М. Сажин) купил динамит, с которым революционеры учились обращаться в горах, недалеко от Локарно [92, с. 318]. О начале восстания оповещала условная фраза: «известные коммерческие операции начнутся 1 августа» [77, с. 102]. В административных округах и в каждом крупном муниципалитете предполагалось сформировать руководящий комитет, который должен был бы выпустить регламенты по образцу Парижской Коммуны.

Стратегический план предвидел начало восстания в Болонье, чтобы затем распространиться в регионах (во Флоренции действовал Ф. Натта, в южных провинциях Э. Малатеста), «...было решено, что Болонья подаст сигнал о восстании. Все регионы должны были участвовать в нем, за исключением... Пьемонта, который не присоединился» [107, с. 46]. Группа болонцев должна была объединиться с повстанцами из Сан-Джованни-ин-Персичето у ворот Сан-Феличе. Часть оружия была спрятана заранее, другую часть нужно было получить в арсенале при содействии двух унтер-офицеров.

Второй отряд революционеров шел на захват крепости на холме Колле-делла-Гуардия - там предполагалось пленить гарнизон и завладеть пушками. Третья колонна должна была прорваться в город через ворота Маджоре, тогда как внутри Болоньи повстанцы во главе с Бакуниным, захватив префектуру и ратушу, предъявили бы властям ультиматум о капитуляции. Бакунин считал необходимым «жечь правительственные здания, где хранятся документы, уничтожение которых вносит хаос и делает затруднительным восстановление старых порядков» [27, с. 95].

В преддверии восстания по настоянию Гарибальди 28 руководителей республиканской партии собрались на совещание в Римини для обсуждения текущей ситуации и принятия решения по вопросу сотрудничества с интернационалистами. Молодежь выступала за поддержку революции, маститые вожди были против. Во время заседания 2 августа полиция напала на виллу Руффи и произвела арест всех участников - республиканская партия осталась без руководства.

Бакунин прибыл в Болонью 30 июля 1874 года, в целях конспирации он часто перемещался по городу, меняя локации. В итоге он остановился в штаб-квартире на улице Борго-делле-Кассе, «все было готово. Бакунин боролся с нетерпением, попивая чай и изготавливая бомбы» [80, с. 34]. Накануне был распространен третий бюллетень Комитета, призывающий пролетариев братья за оружие, а солдат обратить винтовки против врагов народа [Приложение Ж] (Рисунок Ж. 1). Бакунин рассылал послания на кусочках шелка - связные прятали их во рту, предварительно завернув в свинцовую фольгу [76, с. 50]. В разных точках города заранее был приготовлен материал для баррикад. К повстанцам должны были присоединиться некоторые республиканцы, оставшиеся без руководства после ареста лидеров партии.

Однако обстоятельства складывались неблагоприятно: 5 апреля на вокзале был арестован А. Коста, главный организатор и координатор

восстания. Случившееся не повлияло на решимость инсургентов, но внесло изменения в первоначальный план. После ночных совещаний с 6 на 7 августа было решено выступать незамедлительно. Группа во главе с Бакуниным должна была освободить А. Косту и других заключенных.

Но план не был приведен в действие: крепость не удалось захватить, сигнал к выступлению не поступил. Получив сообщение о провале, вооруженные люди из Капрары и Сан-Джованни-ин-Боско успели разойтись - «полиция была предупреждена шпионами и энергично приступила к их преследованию» [76, с. 51]. Динамит, доставленный Олимпией Кафьеро-Кутузовой, «не пошел в дело и был погружен на дно Рейна» [35, с. 180]. Только малочисленная колонна из Имолы под руководством Антонио Корнакки начала свой поход на Болонью. Вместо ожидаемых нескольких тысяч, группа состояла из полутора десятка невооруженных людей - винтовки были спрятаны в Болонье. В Кастель-Сан-Пьетро-Терме инсургенты испортили телеграфное оборудование и повредили железнодорожное полотно. «Это социальная революция, мы возьмем Болонью. Вся Италия восстанет!», - кричали они [80, с. 38]. На их преследование пустились карабинеры, правительственные войска и полиция из Имолы и Болоньи. В окрестностях Одзано повстанцы были перехвачены. Пресса сообщала, что мятежники, вооруженные только ножами и пистолетами, при виде полиции не оказали сопротивления и разбежались [96, с. 1]. Удалось арестовать около 30 «бандитов», младшему из которых было 17 лет.

Бакунин тем временем напрасно ждал сигнала к действию. «Мишель» - так называли его наши старые товарищи, - заявлял, что, столкнувшись с полицией, не позволит взять себя живым, но дорого продаст свою шкуру и при каждой тревоге лихорадочно сжимал револьвер... Его боль была неопишуема, когда он понял, что попытка не удалась» [107, с. 46-47]. Бакунин находился на грани суицида, и лишь вмешательство Сильвио Фруджери в последнюю минуту смогло удержать его от самоубийства [92, с. 318].

Бакунин провел еще несколько дней в стране, надеясь на дальнейшее развитие событий, однако Италия на восстала. Во Флоренции Ф. Натта надеялся на успех, но правительство действовало оперативно, отправив войска, тогда как полиция арестовала более ста подозреваемых [116, с. 93]. Подобным образом развивалась ситуация в других городах Тосканы и Марке; лишь Э. Малатеста с ничтожным количеством соратников попытался поднять Апулию. Однако его группа состояла всего из 6 человек вместо ожидаемых 500 [115, с. 121]. Народные массы не поддержали повстанцев, восстание захлебнулось в самом начале. Но благодаря усилиям итальянских товарищей, полиция не подозревала об участии русского анархиста в августовских событиях и упустила шанс арестовать главного заговорщика.

Исследователи отмечают общие причины неудачи, среди которых слабая организация. Из-за отсутствия денежных средств подготовка осуществлялась в последний момент и была недостаточной - к августу 1874 г. от состояния Кафьеро ничего не осталось. Бакунину даже пришлось продать кольцо - семейную реликвию, с которой он никогда не расставался, чтобы добыть необходимую сумму для срочных расходов в Болонье, о чем свидетельствует анонимный участник тех событий [107, с. 47]. Газета «La Nazione» с издевкой сообщала, что у 32 арестованных заговорщиков в карманах нашлось всего 18 лир [89].

Отсутствие союзников и малочисленность повстанцев не могли обеспечить успех задуманного предприятия. Городские рабочие остались равнодушными к призывам интернационалистов. Церковь, умело манипулирующая народными волнениями, на этот раз не вмешалась, а крестьяне даже помогали полиции в поимке повстанцев [77, с. 107]. Впоследствии вожди восстания, анализируя причины неудачи, признавали свою наивную веру в готовность народных масс и свою оторванность от пролетариата: «Интернационал был введен в Италию буржуазией... во многих местах руководство и наиболее активную часть составляли не рабочие, а

молодые люди среднего класса... Не говоря уже об обширных областях Италии, где наши идеи были абсолютно неизвестны... И массы все еще были совершенно несведущими и неорганизованными» [105, с. 17-18]. Далее Э. Малатеста почти дословно повторяет тезис Бакунина о том, что сама по себе нищета не может быть залогом для революции [4, с. 94]: «голод, без осознания собственного права и направляющей идеи, не провоцирует революции: в лучшем случае вызывает случайные протесты...» [105, с. 19].

В анализе причин поражения восстания исследователи почти не затрагивают роль полиции. Между тем, успех в подавлении мятежа во многом зависел от действий репрессивного аппарата. Полиция широко пользовалась услугами доносчиков в среде интернационалистов, квесторы отчитывались в средствах, растраченных на подкуп, не раскрывая детали и подробности, указывая лишь общую сумму в периодических расходах [82, с. 46]. Имя К. Терцаги, члена туринской секции Интернационала, упоминается во многих исследованиях, сами социалисты подозревали его в связях с полицией уже в 1872 г. [108, с. 97-112] [77, с. 94]. В Венеции работал некий Рудольф Боенко, кассир секции Интернационала. Благодаря ему полиция узнала о содержании переписки венецианских интернационалистов с Комиссией по корреспонденции под руководством А. Косты: полицейские получали доступ к документам и письмам, которыми обменивались социалисты в 1872 г. [82, с. 46]. Полиция в Болонье вскрывала входящую и исходящую корреспонденцию Комиссии по переписке, делала копии, а затем вновь запечатывала письма и отправляла их по назначению [82, с. 46-47]. На основании документов, обнаруженных при задержании А. Косты 5 августа, квестор Болоньи потребовал ареста нескольких человек в Венеции, среди которых был Боенко. Квестор Венеции Э. Кальдерай сначала отказался исполнить приказ, однако затем уступил запросу министра Кантелли. Таким образом, Боенко разделил судьбу заговорщиков, тогда как квестор Турина проявил дальновидность и позволил Терцаги сбежать - последний продолжал

передавать информацию об интернационалистах из Женевы, куда он перенес свою деятельность в конце 1874 г. [82, с. 61] [108, с. 109]. В связи с этими фактами арест лидеров республиканской партии и последующее задержание А. Косты накануне восстания трудно объяснить случайностью, как и массовые преследования интернационалистов и мадзинистов еще до начала восстания. Многочисленные публикации в газетах оповещали о роспуске той или иной организации [113]. Оперативность, с которой началось преследование инсургентов, дают возможность предположить, что полиция располагала некоторой информацией и была готова сразу же выступить. Однако этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

Последствия попытки «социальной ликвидации» носили неоднозначный характер: по всей Италии мгновенные репрессии обрушились на организации рабочих - общества распускались, следовали аресты, зачастую основанные на беспочвенных подозрениях. «Мы получили письмо из Луго,.. здесь также были произведены многочисленные аресты без каких-либо улик, доказывающих враждебное отношение к правительству...», «В Риме были арестованы лица, принадлежащие к Интернационалу. Так же как во Флоренции и в Болонье», «Министр Кантелли отправил конфиденциальный циркуляр префектам с указанием приступить к надзору за рабочими обществами и распустить их под первым предлогом с дальнейшим изъятием их активов и документов... а если необходимо запугивание - приступить к арестам» [123, с. 3]. Консервативная пресса ликовала: «Ликвидация многочисленных демократическо-республиканских или интернациональных обществ, существовавших в романских городах, является очень похвальной инициативой» [96].

Реакция обезглавила рабочее движение - руководители, включая А. Косту и Э. Малатесту, оказались за решеткой, как и многие активные члены Интернационала. Тем не менее громкие судебные процессы почти везде закончились оправданием подозреваемых. Социалисты превратили залы

заседаний в политическую трибуну. А. Коста произнес красноречивую и убедительную речь в защиту идей интернационалистов; его молодость и решимость «воспламенила не только рабочие массы, но и глубоко впечатлила широкие интеллектуальные круги» [106, с. 41]. Болонский процесс завершился полным оправданием обвиняемых. Вердикт был встречен с ликованием, симпатии народа были на стороне социалистов, в стране начался подъем итальянского рабочего движения. 1 июля 1876 г., в день смерти Бакунина, Комиссия по корреспонденции выпустила циркуляр, объявляя о созыве национального конгресса Федерации - Интернационал в Италии вновь стал активен, социалистическое движение обрело второе дыхание.

А. Коста, Э. Малатеста и К. Кафьеро продолжили революционную борьбу, но в дальнейшем их пути разошлись. Национальный конгресс Интернационала, нелегально начавший работу 22 октября 1876 г. в Валломброзе, впервые огласил концепцию «коммунистического анархизма» (каждому по потребностям, от каждого по способностям), которая окончательно утвердилось некоторое время спустя [108, с. 177]. На VIII бернском конгрессе Интернационала (26-30 октября 1876 г.) Кафьеро и Малатеста (А. Коста вновь был арестован) подтверждают выбранную тактику «пропаганды действием»: «повстанческое движение является наиболее эффективным средством пропаганды» [108, с. 179-180].

А. Коста постепенно отдалился от идей анархизма, в своем открытом письме «Романьольским друзьям» от 27 июля 1879 г. он призывает отказаться от устаревших и бесплодных повстанческих методов борьбы. Этот момент оформил процесс размежевания социалистов от анархистов. Позже Коста основал Итальянскую Социалистическую партию Романьи и стал первым социалистом, избранным в парламент.

Карло Кафьеро расценил действия своего бывшего соратника как предательство, но со временем смягчил свою позицию. В конце 1879 г. у него начались проявляться первые признаки прогрессирующего психического

заболевания. В 1883 г. его отправляют в сумасшедший дом во Флоренции [108, с. 335]. О. Кафьеро, движимая состраданием, приехала в Италию и стала ухаживать за бывшим мужем. К. Кафьеро окончил жизнь в психиатрической лечебнице.

Э. Малатеста, не изменил своим идеалам, оставшись убежденным анархистом, отрицающим парламентаризм и терроризм. Он является одним из главных идеологов итальянского анархизма. Как и Бакунину, ему пришлось скитаться по всему миру, чтобы избежать репрессий. В 1922 г. политический климат в Италии изменился, к власти пришел сын его бывшего соратника по болонскому восстанию, названный в честь трех выдающихся революционеров - Бенито Амилькаре Андреа Муссолини. Фашистский режим преследовал всех инакомыслящих: в 1926 г. была закрыта газета «Pensiero e volontà», редактируемая Э. Малатестой.

М.А. Бакунин тяжело переживал крах восстания. По возвращении в Швейцарию он вновь оказался без дома и средств к существованию. Все это отразилось как на душевном, так и на физическом состоянии пожилого анархиста. В феврале 1875 г. он писал о революционном спаде: «в массах нет революционной мысли, надежды и страсти» [66, с. 499]. Бакунин чувствовал себя уставшим и заявил о своем отказе от дальнейшей политической борьбы.

Тем не менее в неопубликованном письме от 2 ноября 1875 г. Михаил Александрович сообщает, что у него «ничего не вышло» с паспортом и, несмотря на всю его добрую волю, он не сможет выполнить какое-то дело [Приложение И](Рисунок И. 1) [80]. В прошлом у него было намерение раздобыть документы, но затем он отказался от этой затеи: «мне не нужен будет паспорт с того момента, как я откажусь от всяких политических предприятий и выступлений, а это-то я твердо решил сделать» [66, с. 378]. Месяцем раньше он помог Олимпии Кафьеро-Кутузовой получить швейцарский паспорт [108, с. 152], поэтому трудно установить, для кого и с какой целью требовался документ, о котором пишет Бакунин: для него самого

или для кого-то из друзей. Вопреки неудачам и разочарованиям, Михаил Александрович никогда не прекращал борьбы; возможно он еще мог бы вернуться на революционную стезю. Но его болезни обострились и 1 июля 1876 года он скончался.

Проанализировав развитие событий, мы пришли к выводу, что молодые лидеры Интернационала ошибочно оценили сложившуюся ситуацию в Италии. По ряду объективных причин восстание развивалось вразрез теоретическим установкам Бакунина и было обречено на неудачу. Несмотря на провал, восстание имело ряд последствий, оказавших влияние на развитие общественно-политической жизни в Италии. Поражение полностью деморализовало М. А. Бакунина. Последние два года жизни он безуспешно пытался наладить свои личные дела и обеспечить семье стабильное положение.

Заключение

В данном исследовании мы проследили ключевые этапы становления личности и эволюции взглядов М.А. Бакунина. Мы пришли к заключению, что занятия философией дисциплинировали гибкий и восприимчивый ум молодого Бакунина, интеллектуальные дискуссии московского периода способствовали достижению духовной и умственной зрелости. Тогда как знакомство с прогрессивными концепциями завершили формирование его мировоззрения.

Мы можем констатировать, что в период первой эмиграции наметился переход Бакунина на материалистические позиции. Его волновала судьба славянских народов; их будущее Бакунин связывал с добровольным объединением в федерацию, основанную на принципах равенства, свободы и братской любви [13, с. 304]. В дальнейшем федерализм станет основой устройства всего европейского пространства в теории Бакунина.

Революционная обстановка в Европе позволила бунтарскому темпераменту преодолеть личностные границы и выйти на новое качественное измерение. Бакунин обрел свое призвание в борьбе за свободу бескомпромиссным путем революции [13, с. 346]. Принцип отказа от политической борьбы и антипарламентаризм ляжет в основу анархической концепции М.А. Бакунина.

Мы установили, что период второй эмиграции является самым плодотворным в жизни Бакунина. В Италии происходит окончательный поворот в сторону анархизма и отказ от националистических идей.

Мы проследили, как под влиянием итальянской ситуации были заложены основы бакунинской концепции о безгосударственной форме организации общества, построенного вокруг интересов каждой отдельно взятой личности. Наблюдения и полученный практический опыт революционной борьбы побудили Бакунина переосмыслить вопрос о

движущей силе революции и прийти к выводу, что «единственный класс, который... носит ныне в своих недрах революцию, есть класс городских рабочих» [6, с. 48], а залогом успеха социальной революции является союз пролетариата и крестьянства. В последние годы жизни Бакунин изложил основные постулаты своего учения в работах «Федерализм, Социализм и Антитеологизм», «Кнуто-германская империя и социальная революция», «Государственность и анархия» и др.

Как мы смогли убедиться, деятельность и теории Бакунина шли наперекор интересам вождя итальянской оппозиции Д. Мадзини. Доктрина итальянского лидера основывалась на идее национального государства с сильной централизованной властью, где значительная роль отводилась традиционным ценностям и религии. Бакунин воспользовался отсутствием единства в рядах республиканцев и привлек на свою сторону часть радикальной молодежи. Для своих целей Бакунин использовал более широкие возможности, которые предоставляла работа в I Интернационале. Мы отметили, что благодаря влиянию Михаила Александровича в Италии возникает новая форма организации социалистического движения в виде секций Интернационала, что привело к острой фазе конфликта с итальянским лидером. Мадзини выступил против Международного товарищества рабочих и социалистических веяний, «Бакунин ответил на атаки Мадзини, и ожесточенная борьба вспыхнула между мадзинистами и интернационалистами: борьба, которая вызвала дискуссию и помогла прояснить идеи» [105, с. 15].

Мы сделали вывод, что заслугой Бакунина является мобилизация той части прогрессивной молодежи, которая повлияла на формирование общественной мысли в Италии и предопределила ход политической жизни. Среди них можно выделить лидера итальянских интернационалистов Андреа Косту - первого социалиста, избранного в парламент и впоследствии занявшего пост заместителя председателя Палаты депутатов; Эррико

Малатесту - идеолога итальянского анархизма. Ключевой фигурой являлся Карло Кафьеро, который не только обеспечивал финансовыми ресурсами итальянскую организацию, но и был блестящим мыслителем. Болезнь помешала ему полностью реализовать свой потенциал.

Далее мы наблюдали, как развивающееся интернациональное движение в стране почти везде стало носить анархический характер. Вопреки ошибочному мнению Генерального совета, русский анархист не стремился к утверждению своей власти и не требовал неукоснительно подчинения своим доктринам. Это составляло как силу, так и слабость движения.

В исследовании затронута тема экономического кризиса в Италии, последствием которого явились народные волнения. Спонтанные бунты 1873 г. были ошибочно приняты итальянскими социалистами за готовность общества к социальной революции. Полицейские репрессии побудили руководителей интернационалистов к организации «социальной ликвидации» в сжатые сроки. Мы удостоверились, что Бакунин непосредственно участвовал как в подготовке восстания, так и в августовских событиях 1874 года в Болонье. Попытка революции захлебнулась в самом начале, тем не менее она оказала влияние на настроения в интеллектуальных кругах общества. Приход к власти «левого» правительства в 1876 г. нельзя напрямую атрибутировать к последствиям восстания, однако громкие судебные процессы взволновали все слои населения, что выразилось в изменении политического климата.

Необходимо прояснить отдельные аспекты, касающиеся роли М.А. Бакунина в этом восстании. Некоторые исследователи не придают значения факту присутствия русского анархиста в Болонье: П.К. Мазини в своей монографии сводит участие Бакунина в тех событиях к любопытному малозначительному эпизоду [109, с. 89]. Мы не согласны с этим выводом по ряду причин.

Бакунин осознавал важность восстания и готовился умереть во благо высшей цели - социальной революции. Он ожидал, что в случае поражения его смерть на баррикадах будет широко использоваться в пропагандистских целях и принесет пользу «международному демократическому движению» [1, с. 9]. Бакунин избежал смерти, но это не умаляет значения его поступка. Присутствие такой легендарной личности воодушевляло и вдохновляло рядовых членов движения. Не только символическое, но и практическое участие Бакунина вносило элемент сплоченности. Личный пример «пропаганды действием» predetermined дальнейшую тактику итальянских анархистов, что также можно отнести к одному из последствий восстания. Другим непрогнозируемым следствием является привлечение новых сил в ряды социалистов после громких политических процессов и оправдательных приговоров. Перечисленные аргументы приводят к выводу, что участие Бакунина в восстании не являлось малозначительным эпизодом.

Наше исследование опровергло выводы А. Романо и И.В. Григорьевой о том, что деятельность М.А. Бакунина не оказала существенного влияния на развитие социалистического движения в Италии. Мы доказали, что оно развивалось вследствие практической и теоретической деятельности Бакунина. Под его руководством формировались методы и формы классовой борьбы, бакунинские идеи послужили начальным импульсом для эволюции социалистической и анархической составляющих внутри общественно-политического организма. Последующее их размежевание привело к возникновению новых политических течений с различной идеологией, организационной структурой и стратегией борьбы.

«Маркса изучают, Бакунину подражают» [81, с. 7], такова оценка бакунинского наследия итальянскими анархистами. В настоящее время в Италии существует Федерация анархистов (FAI), включающая 22 организации. Секция в Джези и группа анархистов в Риме названы в честь русского анархиста Михаила Александровича Бакунина.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Амфитеатров А.В. Святые отцы революции. М.А. Бакунин. СПб.: М.П.С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко), 1906. 34 с.
2. Архив Маркса и Энгельса под ред. Д. Рязанова: в 16 т. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. Т. 3. 519 с.
3. Бакунин М.А. Бог и Государство. Харьков: Вольное братство, 1920. 87 с.
4. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1919. Т. 1. 320 с.
5. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1919. Т. 2. 295 с.
6. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1920. Т. 3. 216 с.
7. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1920. Т. 4. 266 с.
8. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1921. Т. 5. 213 с.
9. Бакунин М.А. Исповедь и письмо к Александру II. М.: Госиздат, 1921. 142 с.
10. Бакунин М.А. Революционных катехизис // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/6153> (дата обращения: 17.11.2023).
11. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876 в 4 т. / под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 1. 488 с.
12. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876 в 4 т. / под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 2. 503 с.

13. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876 в 4 т. / под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. Т. 3. 572 с.
14. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. 621 с.
15. Баулер А.В. М.А. Бакунин на кануне смерти // Былое. 1907. № 7. С. 62-68.
16. Вагнер Р. Моя жизнь: в 2 т. М.: Изд-во Астрель, 2003. Т. 2. 588 с.
17. Гарибальди Д. Мемуары. М.: Наука, 1966. 468 с.
18. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Госюриздат, 1961. Т. 2. 582 с.
19. Герцен А.И. М.А. Бакунин // Колокол. 1862. № 119-120. С.989-990.
20. Герцен А.И. Неизданное письмо А. И. Герцена к Мишле // Былое. 1907. № 7. С. 29-37.
21. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 7. 467 с.
22. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 8. 518 с.
23. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 9 354 с.
24. Грановский Т.Н. и его переписка: в 2 т. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. Т. 2. 486 с.
25. Григорьева И.В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 364 с.
26. Горев Б.И. Бакунин, его жизнь, деятельность и учение. М.: Всерос. совет рабочей кооперации, 1919. 110 с.
27. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С-Пб.: Свободный труд, 1906. 598 с.

28. Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70^х годов: М. Бакунин, Л. Варынский, С. Дикштейн, М. Драгоманов, Н. Жуковский, П. Кропоткин, П. Лавров, З. Ралли, А. Эльсниц и П. Ткачев. П.: Гос. Изд-во, 1920. 87 с.
29. Де-Ливрон Б.К. Отрывочные воспоминания из пережитой мною жизни на море и суше // Русская старина. 1912. № 2. С. 446-454.
30. Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин. Казань: Типография Д.М. Гран, 1905. 97 с.
31. Драгоманов М.П. Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. С-Пб.: Изд. В. Врублевского, 1906. 456 с.
32. Зильберман И.Б. Политическая теория анархизма М.А. Бакунина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 112 с.
33. Иванов В. П. О некоторых проблемах социологии Бакунина // Из истории русской философии XIX - начала XX вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 110-127.
34. Иванов В. П. О философском обосновании анархизма Бакуниным // Историко-философский сборник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1969. Вып. 2. С. 80-89.
35. Кафьеро-Кутузова, О. Из далекого прошлого // Былое. 1907. № 1. С. 178-187.
36. Кафьеро О.Е. Друг Бакунина Карло Кафьеро // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 122-130.
37. Корнилов А.А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.-М.: Гос. Изд-во, 1925. 590 с.
38. Корнилов А.А. Из хроники семейства Бакуниных // Былое. 1907. № 7. С. 39-61.
39. Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина: из истории русского романтизма. М.: Изд. М. и С. Сабашниковы, 1915. 722 с.

40. Колпинский Н. Ю. Анархизм в современной России и издание сочинений М. А. Бакунина // Обновление России: Трудный поиск решений: Годичные чтения в Российском независимом ин-те. Вып. 1. М.: 1992. С. 169-174.
41. Колпинский Н.Ю., Твардовский В.А. Бакунин в русском и международном освободительном движении // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 69-95.
42. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». С-Пб.: Изд. О.Н. Попова, 1908. 512 с.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 22. 805 с.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 33. 788 с.
45. Меринг Ф. Карл Маркс его жизнь и деятельность. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 488 с.
46. Неттлау М. Бакунин // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России / под ред. А.А. Борового. М.: Голос труда, 1924. С. 58-130.
47. Неттлау М. Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. Детройт: Профсоюз, 1951. 688 с.
48. Пирумова Н.М. Бакунин М.: Молодая гвардия, 1970. 400 с.
49. Пирумова Н.М. Бакунин в Сибири // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 103-114.
50. Пирумова Н.М. Бакунин или Нечаев? // Прометей. 1968. № 5. С.168-182.
51. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М.: Наука, 1991. 319 с.
52. Полонский В.П. Бакунин в Первом Интернационале // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 2-43.

53. Полонский В.П. Материалы для биографии М. Бакунина: Бакунин в Первом Интернационале в 3 т. М.-Л.: Гос. Издат, 1928. Т. 3. 602 с.
54. Росс А. (М.П. Сажин) Бакунин и его вилла «Бароната» // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 202-212.
55. Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Герцен, Огарёв, Бакунин и польское восстание 1863 г. / Из истории русской революционной эмиграции // Герцен и Запад. М.: Наука, 1985. С. 363-398.
56. Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Рукопись М.А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. сборник статей / под ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1974. 382 с.
57. Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Возникновение тайного интернационала Михаила Бакунина // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 113-125.
58. Рябов П. В. Историософия Михаила Бакунина // Прямухинские чтения 2001-2003 годов. Тверь: Золотая буква, 2004. С. 50-63.
59. Рябов П. В. Михаил Бакунин в сегодняшнем мире // Михаил Александрович Бакунин: Личность и творчество: (К 190-летию со дня рождения). Вып. III. М.: Ин-т экономики РАН, 2005. С. 7-28.
60. Рябов П. В. Проблема социальной революции в творчестве М. А. Бакунина // Прямухинские чтения 2005 года. Тверь: Золотая буква, 2006. С. 88-116.
61. Рябов П. В. Философия истории Михаила Бакунина // Михаил Александрович Бакунин: Личность и творчество: Вып. III. М.: Ин-т экономики РАН, 2005. С. 73-88.
62. Сажин М.П. Воспоминания о М.А.Бакунине // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России под ред. А.А. Борового. М., 1920. С. 170-185.

63. Семенкова Т. Г. Некоторые вопросы критики капитализма и апологетизма буржуазных теорий М. А. Бакуниним, П. Л. Лавровым и П. Н. Ткачевым // Экономические науки. М., 1963. № 2. С. 83-89.
64. Станкевич В.Н. Переписка его и биография. М.: Тип-ия Каткова, 1857. 385 с.
65. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814-1876: в 4 т. М.: изд-во Коммунистической Академии, 1927. Т. 2. 448 с.
66. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814-1876: в 4 т. М.: изд-во Коммунистической Академии, 1927. Т. 4. 502 с.
67. Талеров П. И. Бакунин и Интернационал: Некоторые исторические аспекты становления анархизма // Персонажи российской истории. СПб.: Нестор, 1996. С. 93-97.
68. Талеров П. И. Вопросы воспитания и образования в раннем эпистолярном наследии М. А. Бакунина // Бакунинский сборник. Тверь: Славянский мир, 2004. Вып. I. С. 17-25.
69. Талеров П. И. Личность Михаила Бакунина - революционера и анархиста - в оценке его современников // Прямухинские чтения 2004 года. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 24-31.
70. Талеров П.И., Ширинянц А.А. Жизнь и идеи бунтаря // Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX века. М.А. Бакунин. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 4-43.
71. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л.: «Академия», 1929. 544 с.
72. Цокколи Г. Анархизм. С-Пб.: Изд. Н. Глаголев, 1908. 422 с.
73. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век теории». М.: Новое лит. обозрение, 2007. 737 с.

74. Agrì A., Rossi D. Dall'eccezionalità all'ordinarietà, ossia quando la legislazione d'emergenza si consolida. Il caso del domicilio coatto // *Virus in fabula. Diritti e Istituzioni ai tempi del covid-19*. Trieste: EUT, 2020, P. 83-94.
75. Albonetti A., Ridolfi M. *Popolo e comune, 1848-1889. Il paese reale verso le istituzioni*. Imola: Nuova Editoriale Aiep, 1989. 325 p.
76. Altobelli D. Michele Bakounine a Bologna // *Il Viandante*. 1910. № 7. P. 50-51.
77. Angiolini A., Giacchi E. *Socialismo e socialisti in Italia*. Firenze: Casa editrice Nerbini, 1919. 1327 p.
78. Archivio storico comunale di Imola. F. Andrea Costa. S.F. Serafino Mazzotti. Fasc. 1-bis: La lettera di M. Bakunin a F. Mazzotti, 12 novembre 1875. 2 p.
79. Bakunin M. Una lettera di Bakunin a Marx // *Pensiero e volontà*. 1925. № 11. P. 264.
80. Bassani A. La marcia su Bologna degli anarchici imolesi // *Il carrobbio*. 1976. № 2. P. 31-40.
81. Borghi A. Attualità di Bacunin // *Volontà*. 1951. № 8. P. 387-395.
82. Brunello P. *Storie di anarchici e di spie. Polizia e politica nell'Italia liberale*. Roma: Donzelli, 2009. 175 p.
83. Casellato A. I moti del macinato in Veneto // *Venetica*. 2012. № 1. P. 47-79.
84. Cento Bull A. *Social and political cultures from 1860 to the present // The Cambridge Companion to Modern Italian Culture / Z.G. Baranski, R.J. West (a cura di)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 35-62.
85. Conti F., Silei G. *Breve storia dello Stato sociale*. Roma: Carocci, 2013. 253 p.
86. Felice E. *Ascesa e declino. Storia economica d'Italia*. Bologna: Il Mulino, 2015. 385 p.
87. Davidson B. 1864-1950 // *Volontà*. 1950. № 11. P. 32-34.

88. Della Peruta F. La consistenza numerica dell'Internazionale in Italia nel 1874 // Movimento operaio 1949-1950, № 3-4, p. 104-106.
89. Disordini in Romagna // La Nazione. 1874. № 221.
90. Garibaldi G. Cantoni il volontario. // LiberLiber URL: file:///C:/Users/lenovo/Downloads/canton_p.pdf (дата обращения: 29.01.2023)
91. Guarracino S., Ortovela P., Reveli M. Storia dell'età moderna. Dall'assolutismo alla nascita delle nazioni. Milano: Edizioni scolastiche Bruno Mondadori, 1993. 895 p.
92. Guillaume J. L'internazionale, documenti e ricordi (1864-1878): в 3 т. Chieti: C.S.L. Di Sciullo, 2004. Т. 3. 525 p.
93. Ibba R. Carabinieri, poliziotti e prefetti: protagonisti sardi «sul campo» dell'unificazione // Classi dirigenti nell'Italia unita: tra gruppi e territori a cura di M. De Prosopo. Napoli: FedOA Press, 2022. P. 109-121.
94. I moti contadini del macinato // Bologna.online URL: https://www.bibliotecasalaborsa.it/bolognaonline/cronologia-di-bologna/1869/i_moti_contadini_del_macinato (дата обращения: 29.01.2023).
95. Kamiński A. A. Michał Bakunin. Życie i myśl: v 2 t. Wrocław : Wydaw. Uniw. ekon. we Wrocławiu, 2012-2013.
96. Le bande di Romagna // Gazzetta dell'Emilia. 1874. № 222.
97. Legge Pica 15 agosto 1863, n. 1409 // Gazzetta ufficiale URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1863-08-21&atto.codiceRedazionale=063U1409 (дата обращения: 20.10.2023).
98. Legge 3 agosto 1862, n. 753 // Gazzetta ufficiale URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1862/08/25/062U0753/sg> (дата обращения: 20.10.2023).
99. Lehning A. Bakunin e gli storici // Bakunin cent'anni dopo. Milano: Edizioni Antistato, 1977. P. 355-403.

100. Lehning A. From Buonarroti to Bakunin: Studies in International Socialism. Leiden: Brill, 1970. 345 p.
101. Lehning A. Michel Bakounine et ses relations avec Sergej Nečaev, 1870-1872: Écrits et matériaux. Leiden: Brill, 1970. 492 p.
102. Malatesta E. Come divenni socialista // Volontà. 1947. № 8-9. P. 56-59.
103. Malatesta E. Il primo incontro col Bakunin / E. Malatesta // Pensiero e Volontà. 1926. № 11. P. 244-246.
104. Malatesta E. Prefazione // Nettleau M. Bakunin e l'Internazionale in Italia: dal 1864 al 1872. // LiberLiber URL: file:///C:/Users/lenovo/Downloads/nettleau_bakunin_e_l_internazionale_in_italia-1.pdf (дата обращения: 29.01.2023).
105. Malatesta E. Rivoluzione e vita quotidiana. // LiberLiber URL: https://www.liberliber.eu/mediateca/libri/m/malatesta/rivoluzione_e_lotta_quotidiana/pdf/malatesta_rivoluzione_e_lotta.pdf (дата обращения: 29.01.2023).
106. Marabini A. Prime lotte socialiste Roma: Edizioni Rinascita. 1949. 322 p.
107. Masini P.C. Bakunin in Italia // Bakunin cent'anni dopo. Atti del Convegno internazionale di studi bakuniniani, Venezia. Milano: Ed. Antistato, 1977. P. 14-64.
108. Masini P.C. Cafiero. Milano: Rizzoli Editori, 1974. 421 p.
109. Masini P.C. Storia degli anarchici italiani. Da Bakunin a Malatesta. Milano: Rizzoli, 1969. 394 p.
110. Mazzini G. Dei doveri dell'uomo. Milano, 2010. 150 p.
111. Molfese F. Il brigantaggio meridionale post-unitario: I. Le "Reazioni" dell'autunno 1860-inverno 1861 // Studi storici. 1960. №. 5. P. 944-1007.
112. Molfese F. Il brigantaggio meridionale post-unitario: II. La rivolta contadina del 1861 // Studi Storici. 1961. № 2. P. 298-362.
113. Monitore di Bologna. 1974. № 219

114. Nettlau M. Bakunin e l'Internazionale in Italia: dal 1864 al 1872. // LiberLiber URL: file:///C:/Users/lenovo/Downloads/nettlau_bakunin_e_l_internazionale_in_italia-1.pdf (дата обращения: 29.01.2023).
115. Nettlau M. Errico Malatesta. Vita e pensieri. New York: Il Martello, 1922. 352 p.
116. Pernicone N. Italian Anarchism, 1864-1892. Princeton: Princeton University Press, 1993. 342 p.
117. Proteste contro il carovita a Imola // Bologna.online URL: https://www.bibliotecasalaborsa.it/bolognaonline/cronologia-di-bologna/1874/a_imola_proteste_contro_il_carovita (дата обращения: 29.01.2023).
118. Romano A. Storia del movimento socialista in Italia.: L'unita italiana e Prima Internazionale 1861-1871: in 3 vol. Bari: Laterza, 1966. vol.1. 600 p.
119. Rosselli N. Mazzini e Bakunin. Dodici anni di movimento operaio in Italia (1860-1872) // LiberLiber URL: file:///C:/Users/lenovo/Downloads/rosselli_mazzini_e_bakunin.pdf (дата обращения: 29.01.2023).
120. Rosselli N. Saggi su Risorgimento. Torino: Einaudi, 1980. 288 p.
121. Tanzi V. Le condizioni economiche e sociali in Italia intorno al 1861 // Il Politico. 2011. Vol. 76. №. 3. P. 327-334.
122. Toda M. Errico Malatesta. Da Mazzini a Bakunin. Napoli: Guida Editori, 1988. 147 p.
123. Ultimo corriere // La Plebe. 1874. № 70.
124. Woodcock G. Anarchism: a history of libertarian ideas and movements. N.Y.: Penguin books, 1975. 492 p.

Приложение А

Список используемых источников

Неопубликованные источники

Архивные материалы

Archivio storico comunale di Imola - Biblioteca comunale di Imola

(BIM – IBC)

1. Fondo Carte Andrea Costa (1872-1960). Subfondo Carte Serafino Mazzotti e famiglia (1875-1909). Fasc. 1-bis: La lettera di Bakunin M. a Mazzotti Serafino, 12 novembre 1875. 2 p.

Опубликованные источники

Законы

2. Legge 15 agosto 1863, n. 1409 // Gazzetta Ufficiale URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1863-08-21&atto.codiceRedazionale=063U1409 (дата обращения: 20.10.2023).

3. Legge 3 agosto 1862, n. 753 // Gazzetta Ufficiale URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1862/08/25/062U0753/sg> (дата обращения: 20.10.2023).

4. Legge 7 febbraio 1864, n. 1661 // Gazzetta Ufficiale URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1864-02-13&atto.codiceRedazionale=064U1661&isAnonimo=false&tipoSerie=serie_generale&tipoVigenza=originario&normativi=true&currentPage=1 (дата обращения: 20.10.2023).

Работы М.А. Бакунина

5. Бакунин М.А. Бог и Государство. Харьков: Вольное братство, 1920. 87 с.

6. Бакунин М.А. Избранные сочинения: в 5 т. П.: Голос труда, 1919-1921.
7. Бакунин М.А. Революционных катехизис // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/6153> (дата обращения: 17.11.2023).
8. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. 621 с.

Работы К. Маркса и Ф. Энгельса

9. Архив Маркса и Энгельса под ред. Д. Рязанова: в 16 т. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. Т. 3. 519 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 22. 805 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 33. 788 с.

Мемуарная литература

12. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876 в 4 т. / под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934-1935.
13. Баулер А.В. М.А. Бакунин на кануне смерти // Былое. 1907. № 7. С. 62-68.
14. Гарибальди Д. Мемуары. М.: Наука, 1966. 468 с.
15. Герцен А.И. Неизданное письмо А. И. Герцена к Мишле // Былое. 1907. № 7. С. 29-37.
16. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954-1966.
17. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. С-Пб.: Свободный труд, 1906. 598 с.

18. Де-Ливрон Б.К. Отрывочные воспоминания из пережитой мною жизни на море и суше // Русская старина. 1912. № 2. С. 446-454.
19. Драгоманов М.П. Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. С-Пб.: Изд. В. Врублевского, 1906. 456 с.
20. Кафьеро-Кутузова О.Е. Из далекого прошлого // Былое. 1907. № 1. С. 178-187.
21. Кафьеро О.Е. Друг Бакунина Карло Кафьеро // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 122-130.
22. Росс А. (М.П. Сажин) Бакунин и его вилла «Бароната» // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 202-212.
23. Сажин М.П. Воспоминания о М.А.Бакунине // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России под ред. А.А. Борового. М., 1920. С. 170-185.
24. Станкевич В.Н. Переписка его и биография. М.: Тип-ия Каткова, 1857. 385 с.
25. Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. Л.: «Академия», 1929. 544 с.
26. Altobelli D. Michele Bakounine a Bologna // Il Viandante. 1910. № 7. P. 50-51.
27. Malatesta E. Come divenni socialista // Volontà. 1947. № 8-9. P. 56-59.
28. Malatesta E. Il primo incontro col Bakunin / E. Malatesta // Pensiero e Volontà. 1926. № 11. P. 244-246.

Периодические издания

Газеты

29. Bassani A. La marcia su Bologna degli anarchici imolesi // Il carrobbio. 1976. № 2. P. 31-40.
30. Borghi A. Attualità di Bacunin // Volontà. 1951. № 8. P. 387-395.
31. Davidson B. 1864-1950 // Volontà. 1950. № 11. P. 32-34.
32. Disordini in Romagna // La Nazione. 1874. № 221.

33. Le bande di Romagna // Gazzetta dell'Emilia. 1874. № 222.
34. Monitore di Bologna. 1974. № 219
35. Ultimo corriere // La Plebe. 1874. № 70.

Приложение Б
Молодые годы М.А. Бакунина

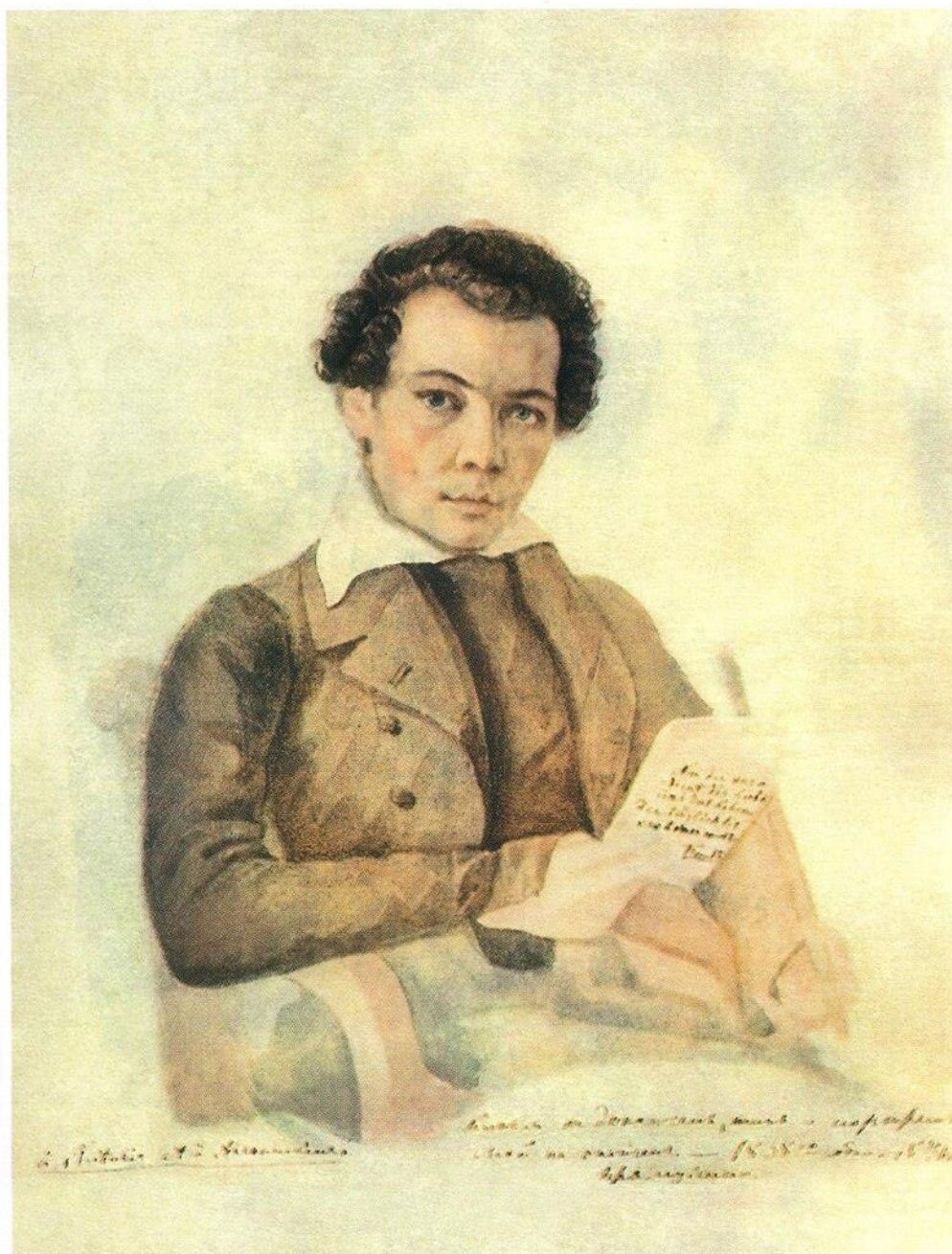

Рисунок Б.1 - Автопортрет М.А. Бакунина. Акварель, 1838 г.

Рисунок Б.2 - Акварель А.Ф. Максимова.

«Кружок Станкевича»: М.Н. Катков, П.А. Ефремов, О.М. Бодянский, В.И. Красов, К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, И.П. Ключников, Н.В. Станкевич, А.В. Кольцов

Приложение В

Dio e lo stato (Бог и государство)

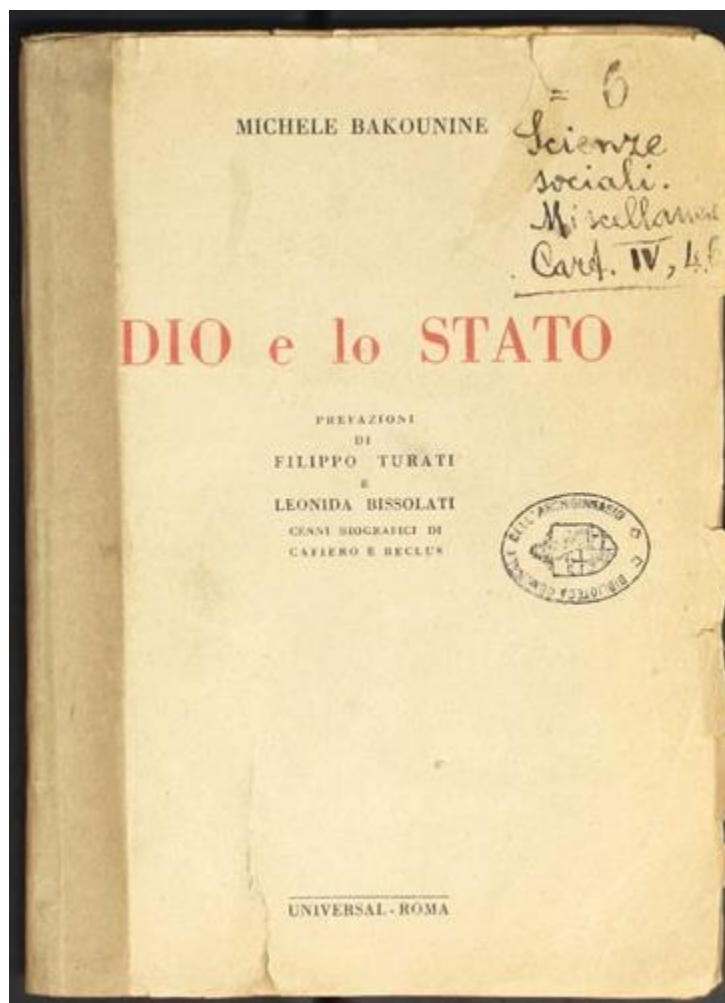

Рисунок В.1 - Брошюра М.А. Бакунина «Бог и государство» впервые была опубликована в 1882 году в Женеве.

Данное итальянское издание содержит предисловие Филиппо Турати, будущего основоположника итальянского социализма. Он был свидетелем дебатов в ходе судебного процесса против интернационалистов в Болонье, состоявшегося в 1876 году.

Приложение Г

Лидеры политической оппозиции Италии 60-х годов XIX в.

Рисунок Г. 1 - портрет Джузеппе Мадзини (22.06.1805 - 10.03.1872), итальянского философа и политического деятеля, лидера оппозиционной республиканской партии

Продолжение Приложения Г

Рисунок Г. 2 - Портрет Джузеппе Гарибальди (04.07.1807 - 02.06.1882)
в Неаполе в 1860 г.

Приложение Д
Соратники М.А. Бакунина

Рисунок Д. 1 - портрет Эррико Малатесты (14.12.1853 - 22.07.1932) ,
писателя, теоретика анархизма и ученика М.А. Бакунина

Продолжение Приложения Д

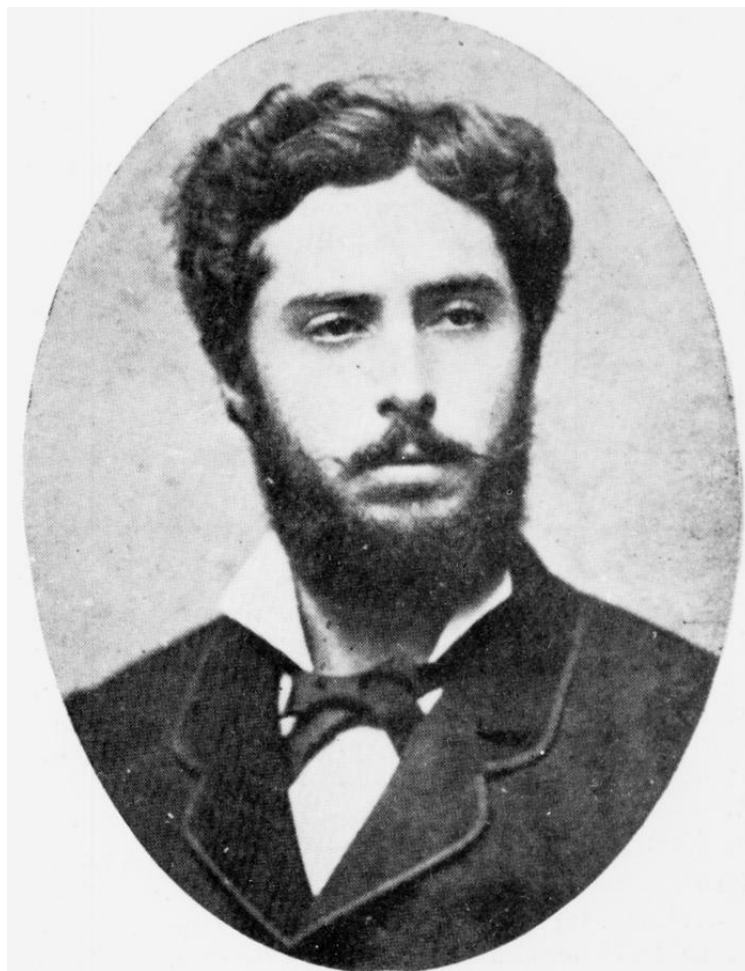

Рисунок Д. 2 - портрет Карло Кафьеро(01.09.1846 -17.07.1892)

В 1874 г. он посетил Санкт-Петербург для женитьбы на Олимпиаде Кутузовой, чтобы выволить революционерку из рук царского правительства. В 1876 г. они расстались, но позднее Олимпиада вернулась в Италию, чтобы ухаживать за Карло во время его болезни. В архиве г. Имолы хранятся 2 письма Олимпии к итальянским друзьям, где она делится новостями и просит помощи в трудоустройстве

Рисунок Д. 3 - Портрет А. Косты (29.11.1851 - 19.01.1910), лидера итальянских интернационалистов

Во время болонского восстания был сентиментально связан с русской революционеркой Верой Карповой. После восстания ее следы теряются, а судьба Косты будет связана с именем социалистки Анны Кулишевой. П.К. Мазини предполагает, что отказ А. Косты от анархической идеологии произошел под ее влиянием

Приложение Е

Титульный лист неаполитанской газеты «La campana» («Колокол»)

Рисунок Е.1 - Газета «La Campana» от 17 марта 1872 г.

Номер вышел неделю спустя смерти Д. Мадзини. Заголовок гласит: «Джузеппе Мадзини. Террор. Приговор монархии. Социалисты Неаполя обещают справедливое возмездие вместе с социальной революцией»

Приложение Ж.

Бюллетень №. 3 Итальянского Комитета Социальной революции

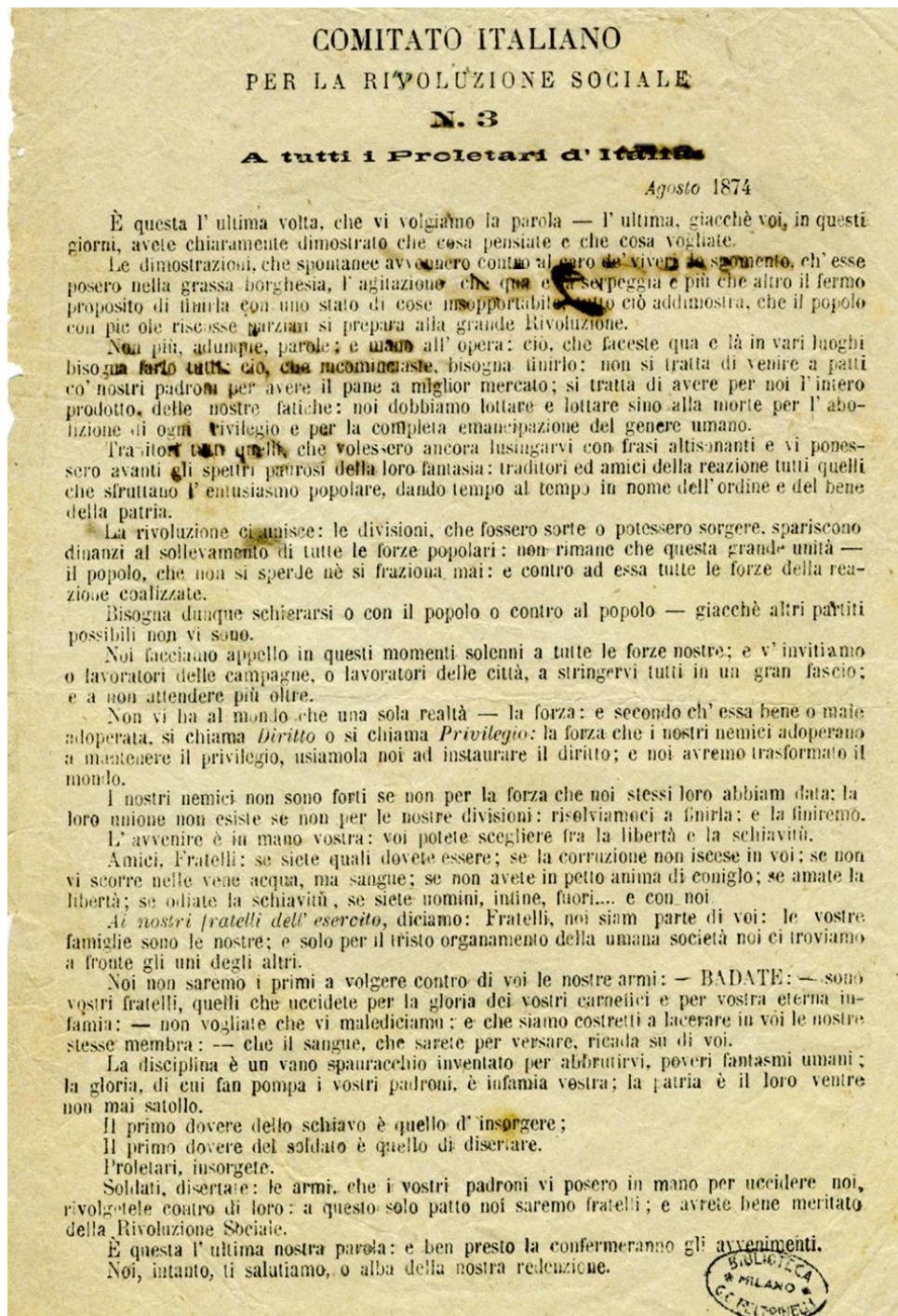

Рисунок Ж.1 - Последний бюллетень №. 3 Итальянского Комитета Социальной революции, выпущенный накануне восстания в Болонье в августе 1874 г.

Приложение И

Неопубликованное письмо М.А. Бакунина к Серафино Мадзотти от 12 ноября 1875 г.

№ 12 Novembre 1875

Caro Filippo - Comincerò per
dirti che non ho potuto fare
niente per il momento, e mi
sarà assolutamente impossibile di
farti la menesima cosa, malgrado
tutta la mia buona volontà -
Ma se tu mi parli della
questione della causa
del mio silenzio - di non sempre
nell' aspettazione di un
risposta che tarda a venire,
ma non potrà tardare
a venire molto - Mi fare
veramente che non può fare
più presto, ma come tu capisci
e una causa di forza maggiore.
Merita di tutta inchiesta per
tuo lungo silenzio, e
tu riprova impero a scrivere,
per poter scriverti di tutto -
- bene, e ancora ^{entire} molto

Продолжение Приложения И

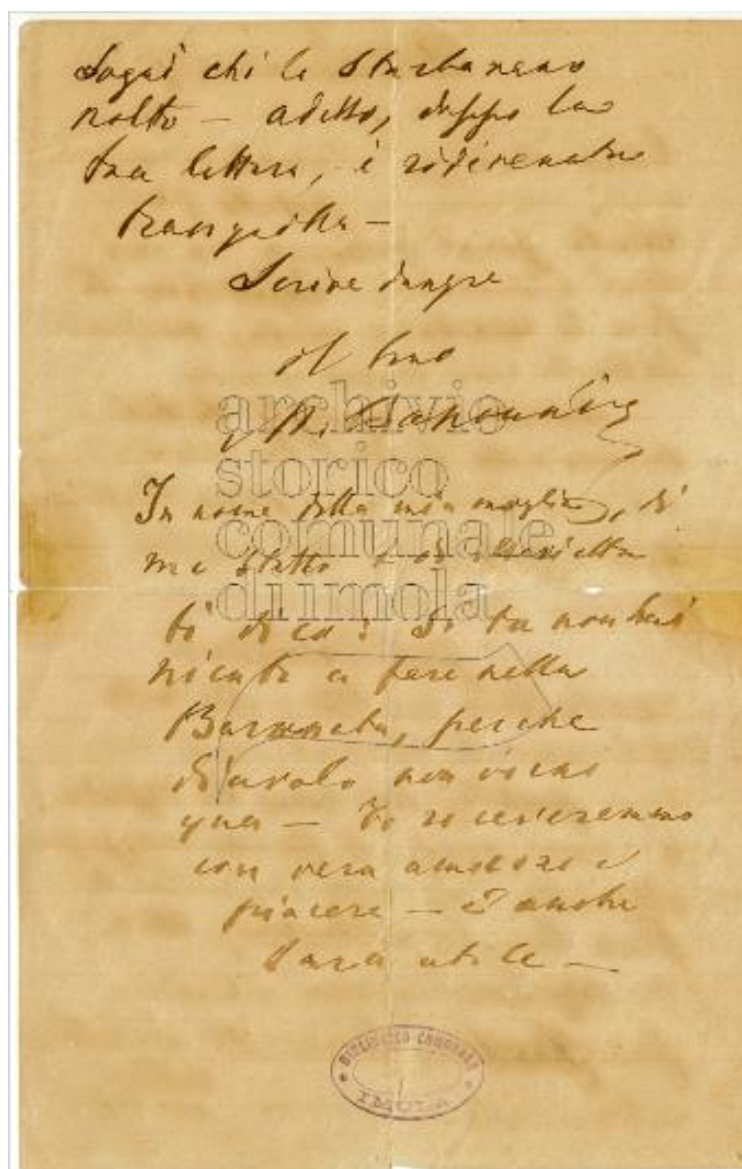

Рисунок И.1 - Неопубликованное письмо М.А. Бакунина.

«Дорогой Филиппо, начну с того, что я ничего не смог сделать с паспортом, и мне будет совершенно невозможно выполнить (ту вещь? то дело? то же самое?) несмотря на всю мою добрую волю». Невозможно понять, о каком паспорте идет речь в этом письме.